

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Хороните
своих мертвецов



Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Звезды мирового детектива

Луиза Пенни

Хороните своих мертвецов

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Пенни Л.

Хороните своих мертвецов / Л. Пенни — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Звезды мирового детектива)

Роман «Хороните своих мертвецов» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. Пока древние каменные стены Старого Квебека трещат от зимних морозов, старший инспектор Арман Гамаш расследует самое странное дело в своей успешной карьере. В здании добропорядочного Литературно-исторического общества найдено тело. Человек был жестоко убит в тот момент, когда производил раскопки в подвале. Его смерть явно связана с одной из величайших тайн в истории Квебека, корни которой уходят в века. И только разгадав эту тайну, Гамаш может найти убийцу... Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

© Пенни Л., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	53
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Луиза Пенни

Хороните своих мертвецов

Эта книга посвящается вторым шансам – тем, кто их дает, и тем, кто их получает

Louise Penny

BURY YOUR DEAD

Copyright © 2010 by Three Pines Creations

All rights reserved

This edition published by arrangement with Teresa Chris Literary Agency Ltd.
and The Van Lear Agency

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Они мчались вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и стараясь не шуметь. Гамаш из всех сил сдерживал дыхание, словно он сидел дома, словно ничто в мире его не тревожило.

– Сэр, – раздался в наушниках Гамаша молодой голос.

– Ты должен мне верить. Ничего плохого с тобой не случится, сынок.

Он надеялся, что молодой агент не услышит напряжения в его голосе, не заметит усилия, которое прикладывал старший инспектор, чтобы его голос звучал веско, убедительно.

– Я вам верю.

Они добежали до площадки. Инспектор Бовуар остановился, посмотрел на своего шефа. Гамаш взглянул на часы.

47 секунд.

Время еще есть.

В наушниках он слышал голос молодого агента – тот рассказывал ему о солнечных лучах, о том, как славно они греют лицо.

Остальная часть команды тоже добралась до площадки – в бронезилетах, с автоматическим оружием на изготовку. Все внимание на шефа. Рядом с ним ждал решения и инспектор Бовуар. Куда теперь? Они были близко. В нескольких шагах от цели.

Гамаш бросил взгляд в один темный грязный коридор заброшенной фабрики, затем в другой. Они ничем не отличались друг от друга. Свет и декабрьский день проникали через разбитые, в потеках окна.

43 секунды.

Он решительно показал налево. И они молча побежали к двери в конце. Гамаш на бегу сжимал винтовку и спокойно говорил в микрофон:

– Нет нужды волноваться.

– Осталось сорок секунд, сэр.

Каждое слово на той стороне произносилось так, будто человеку трудно дышать.

– Просто слушай меня, – сказал Гамаш, показывая рукой на дверь.

Его люди бросились вперед.

36 секунд.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, – произнес Гамаш уверенным, властным тоном, словно вызывая молодого агента на спор. – Сегодня вечером ты будешь обедать со своей семьей.

– Да, сэр.

Команда окружила закрытую дверь с грязным матовым стеклом. Затемненным.

Гамаш помедлил, его рука повисла в воздухе, готовая дать сигнал взломать эту дверь. Чтобы спасти его агента. Рядом с ним напрягся в ожидании Бовуар.

Слишком поздно старший инспектор Гамаш понял, что совершил ошибку.

– Не спеши, Арман.

– Avec le temps?¹

Гамаш улыбнулся в ответ своему наставнику и сжал правую руку в кулак. Чтобы перестала дрожать. Дрожание было таким слабым, что официантка в кафе в Квебек-Сити наверняка ничего не заметила. Два студента за соседним столом усердно молотили по клавиатурам своих ноутбуков – они уж точно не заметили. Никто ничего не заметил.

¹ Со временем? (фр.)

Кроме человека, сидевшего совсем рядом.

Гамаш посмотрел на Эмиля Комо, уверенной рукой сжимающего слоистый круассан. Прежнему наставнику и шефу Гамаша было под восемьдесят. У него были ухоженные седые волосы и ярко-синие глаза за стеклами очков. В свои годы он оставался подтянутым и энергичным. И все же при каждом новом посещении Арман Гамаш отмечал, что лицо Эмиля чуть-чуть смягчилось, движения слегка замедлились.

Avec le temps.

Эмиль Комо, который вдовствовал вот уже пять лет, знал силу и протяженность времени.

Жена Гамаша, Рейн-Мари, уехала сегодня рано утром, проведя с ними неделю в каменном доме Эмиля в обнесенном стеной Старом городе Квебека. Все вместе они обедали перед камином, гуляли по узким, засыпанным снегом улочкам. Разговаривали. Молчали. Читали газеты, обсуждали события. Втроем. Вчетвером, если считать немецкую овчарку Анри.

А большую часть дня Гамаш проводил в одиночестве в местной библиотеке.

Эмиль и Рейн-Мари не возражали против этого, понимая, что сейчас ему нужно не только общество, но и уединение.

Но вот пришло время, когда Рейн-Мари нужно было уезжать. Попрощавшись с Эмилем, она повернулась к мужу. Высокий, плотно сложенный, предпочитавший хорошие книги и долгие прогулки любой другой деятельности, он скорее был похож на заслуженного профессора лет пятидесяти пяти, чем на главу самого известного в Канаде полицейского подразделения по расследованию убийств. *Sûreté du Québec*. Гамаш проводил ее до машины, соскреб утренний ледок с лобового стекла.

– Тебе не обязательно уезжать, – сказал он, улыбаясь ей.

Они стояли друг перед другом в хрупком свете нарождающегося дня. Анри сидел в сугробе поблизости и наблюдал за ними.

– Я знаю. Но тебе с Эмилем нужно побыть вдвоем. Я же видела, как вы поглядывали друг на друга.

– Взаимное чувство? – рассмеялся старший инспектор. – А я думал, нам удастся его скрывать.

– Жена всегда знает.

Она улыбнулась, глядя в темно-карие глаза мужа. Хотя на нем была вязаная шапочка, Рейн-Мари видела его седеющие волосы и небольшой вихор, выбившийся наружу. И бороду. Она постепенно привыкла к его бороде. Долгие годы он носил усы, но в последнее время, после того случая, отрастил аккуратную бородку.

Рейн-Мари помедлила. Сказать или не сказать? Эта мысль теперь все время преследовала ее, готовая сорваться с языка. Но она знала, что слова бесполезны, если вообще можно так сказать о словах. Рейн-Мари точно знала, что слова словами, а дела делами. Если бы могла, она бы окружила его словами, защитила бы его ими. Но вместо этого она беззаботным голосом произнесла:

– Приезжай домой, когда сможешь.

Гамаш поцеловал ее:

– Приеду. Через несколько дней. Максимум – через неделю. Позвони, как только доберешься.

– D'accord².

Она села в машину.

– Je t'aime³, – сказал он и, просунув руку в открытое окно машины, коснулся ее плеча.

² Договорились (фр.).

³ Я тебя люблю (фр.).

«Смотри в оба, – кричал ее внутренний голос. – Не лезь на рожон. Приезжай скорей ко мне. Береги себя, береги себя, береги себя».

Она накрыла своей рукой в перчатке его руку.

– Je t'aime.

А потом она поехала в Монреаль, поглядывая в зеркало заднего вида на его фигуру, одиноко стоящую на утренней улице. Анри, конечно же, уселся рядом с Гамашем. И оба смотрели на нее, пока она не исчезла.

Старший инспектор продолжал смотреть, даже когда машина скрылась за поворотом. Потом он взял лопату и неторопливо счистил со ступеней крыльца снежный пушок, налетевший за ночь. На минуту он замер, опираясь руками на черенок лопаты, – наслаждался игрой утреннего света на свежем снегу. Снег казался скорее голубоватым, чем белым, и в некоторых местах посверкивал крохотными искорками – снежинки там намело в небольшие кучки, и они улавливали, преображали и возвращали свет. Словно что-то живое, захватывающее.

Такой была жизнь в Старом городе. Неторопливой и динамичной, устоявшейся и переменчивой.

Взяв горсть снега, старший инспектор скомкал его в руке. Анри тут же сделал стойку, собачий хвост так напрягся, что весь его корпус сзади стал покачиваться. Глаза впились в снежок.

Гамаш подбросил снежок в воздух, и пес подпрыгнул, поймал его зубами, перемолотил. Приземлившись на все четыре лапы, Анри в очередной раз удивился, как это снежок, казавшийся таким твердым, вдруг взял да и пропал.

Исчез так быстро.

Но в следующий раз все будет иначе.

Гамаш хохотнул. Возможно, Анри прав.

В это время из дверей вышел Эмиль, закутанный в громоздкое зимнее пальто для защиты от кусачего февральского холода.

– Готов? – Старик натянул на голову вязаную шапочку, закрывая уши, надел теплые варежки, похожие на боксерские перчатки.

– К чему? К осаде?

– К завтраку, *mon vieux*⁴. Поторопись, пока кое-кто не съел последний круассан.

Он знал, как мотивировать своего прежнего подчиненного. Не дожидаясь, когда Гамаш уберет лопату, Эмиль поспешил по заснеженной улице. Уже просыпались и другие обитатели Квебек-Сити. Выходили в нежный утренний свет, чтобы сбросить снег с машин, дойти до пекарни, взять свежий батон и выпить кофе.

Двое мужчин и Анри двинулись по рю Сен-Жан, мимо ресторанов и сувенирных магазинов, на крохотную боковую улочку рю Куяр, где находилось кафе «Ше темпорель».

Они приходили в это кафе вот уже пятнадцать лет, с тех самых пор, как суперинтендант Эмиль Комо вышел в отставку и поселился в Старом городе Квебек-Сити, а Гамаш начал приезжать к нему, чтобы провести время со своим наставником и помочь ему по хозяйству. Всяких мелочей накапливалось немало: разгрести снег, заготовить дрова для камина, заклеить окна к холодам. Но нынешний его приезд был другим. На этот раз старшего инспектора Гамаша тянуло в Квебек-Сити, как никогда в прежние зимы.

На этот раз помощь требовалась Гамашу.

– Итак... – Эмиль откинулся на спинку стула, обхватив обеими руками чашку кофе с молоком. – Как продвигаются твои изыскания?

⁴ Страница (фр.).

– Пока не могу найти упоминаний о том, что капитан Кук и в самом деле встречался с Бугенвилем⁵ перед Квебекским сражением. Но ведь это было двести пятьдесят лет назад. Документы того времени встречаются редко, и обычно они в плохом состоянии. Но я знаю, что они здесь есть, – сказал Гамаш. – Библиотека просто удивительная, Эмиль. Многим томам сотни лет.

Он начал рассказывать о своих поисках в библиотеке, о том, как откапывает в забытых старинных книгах всякие любопытные сведения о сражении, которое состоялось давным-давно и было проиграно, по крайней мере с его точки зрения. А его старший товарищ внимательно смотрел на Гамаша. Появилась ли наконец искорка в этих дорогих для него глазах? В глазах, в которые он так часто заглядывал на месте страшных преступлений, когда они преследовали убийц. Когда они прочесывали леса, деревни и поля, размышляли над уликами, свидетельскими показаниями и гипотезами. «Сквозь мрак безбрежный, полный бездонных страхов»⁶, – вспомнил Эмиль, думая о тех днях. Да, точное описание. «Полный бездонных страхов». Их страхов и страхов убийц. За какими только столами в разных уголках провинции не сидели они с Гамашем! Как сидят вот сейчас.

Но теперь настало время отдохнуть от убийств. Хватит душегубств, хватит смертей. В последнее время Арман видел их слишком часто. Нет, лучше закопаться в историю, в давно ушедшую жизнь. Интеллектуальное расследование, и ничего больше.

У их ног шевельнулся Анри, и Гамаш машинально опустил руку и погладил собаку по голове, чтобы успокоить. И снова Эмиль заметил легкую дрожь в руке. Сейчас она была едва заметна, но иногда усиливалась.

Ему хотелось взять эту руку, укрепить ее, сказать Гамашу, что все будет хорошо. Потому что он знал: так и будет.

Со временем.

Глядя на Гамаша, Эмиль снова обратил внимание на рваный шрам на его левом виске и аккуратную бородку, которую он отрастил в последнее время. Чтобы люди не глазели. Чтобы люди не узнавали самого узнаваемого полицейского в Квебеке.

Но конечно, это не имело значения. Не от них прятался Арман Гамаш.

Официантка принесла еще кофе.

– Мерси, Даниэль, – в один голос сказали они, и она ушла, улыбаясь этим двоим мужчинам, таким разным, но таким похожим.

Они выпили кофе, съели *pain au chocolat* и *croissants aux amandes*⁷, поговорили о Квебекском карнавале, начинающемся этим вечером. Иногда они замолкали, глядя, как люди на улице по холоду спешат на работу. Кто-то процарапал трилистник клевера в небольшой впадинке в центре деревянного стола. Эмиль потер это место пальцем.

Он все спрашивал себя, когда же Арман захочет рассказать о том, что случилось.

Была половина одиннадцатого – время начала ежемесячного заседания совета Литературно-исторического общества. Долгие годы это заседание проводилось по вечерам, когда библиотека закрывалась, но потом заметили, что на эти заседания приходит все меньше и меньше членов общества.

Поэтому председатель Портер Уилсон поменял время сбора. По крайней мере, он считал, что сам поменял время. По крайней мере, в протоколе собрания сообщалось, что это предло-

⁵ Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811) – участник войны во французских колониях против Британии, позднее открыватель Фолклендских островов, исследователь Тихого океана, руководитель первой французской кругосветной экспедиции.

⁶ Из стихотворения английского поэта Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес».

⁷ Булочки с шоколадом и круассаны с миндалем (фр.).

жение принадлежит ему, хотя наедине с самим собой он вроде бы вспоминал, что возражал против этого.

Как бы там ни было, вот уже несколько лет они встречались по утрам. И другие члены общества приспособились к этому, как и сам Портер. Он-то просто вынужден был это сделать – ведь идея принадлежала ему.

Тот факт, что совет приспособился, можно было считать чудом. Когда в последний раз их просили что-то изменить, речь шла об износившейся коже на стульях Лит-Иста, и случилось это шестьдесят три года назад. Члены общества все еще помнили отцов и матерей, бабушек и дедушек, выстроившихся по обе стороны этой мебельной линии Мэйсона – Диксона⁸. Они помнили саркастические замечания, сделанные за закрытыми дверями, за глаза, но при детях. Детях, которые и шестьдесят три года спустя не забыли эту бессовестную замену старой черной кожи на новую.

Отодвигая для себя стул во главе стола, Портер заметил, что у сиденья потертый вид. Он быстро сел, чтобы никто, и в первую очередь он сам, не заметил этого. Перед его местом, как и перед местами всех остальных, лежали аккуратные стопки бумаги – этикетки солдаты на деревянном столе. Работа Элизабет Макуиртер. Портер посмотрел на Элизабет. Простенькое лицо, худощавая и высокая. По крайней мере, такой она была, когда мир был молод. Теперь она казалась замороженной на манер тех трупов, что находят в ледниках. Она все еще сохраняла человеческие черты, но вся высохла и поседела. Элизабет носила синее практичное платье, причем, как подозревал Портер, хорошего покроя и из хорошего материала. Что ни говори, она ведь из тех самых Макуиртеров. Член почтенной и богатой семьи. Семьи, которая не кичится своим богатством или мозгами. Ее брат продал судостроительную империю с опозданием лет на десять. Но кое-какие деньги еще остались. Элизабет была скучноватой, но ответственной. Не лидер, не мечтатель. Не из тех людей, что могут в трудный час сплотить общество. Таких, как сам Портер. И его отец до него. И его дед.

А крохотное английское сообщество в стенах старого Квебек-Сити вот уже несколько поколений переживало трудный час. Это был такой трудный час, который может ухудшаться, может улучшаться, но никогда не исчезает полностью. Как и сами англичане.

Портер Уилсон не сражался ни на каких войнах: для одних он оказывался слишком молод, для других – слишком стар. Нет, речь не шла об официальных войнах. Но он и другие члены совета тем не менее чувствовали себя как на войне. И он втайне подозревал, что они проигрывают сражения одно за другим.

У дверей Элизабет Макуиртер встречала других членов совета и поглядывала на Портера Уилсона, который уже сидел во главе стола и читал свои заметки.

Элизабет знала, что он многого добился в жизни. Организовал хор, любительский театр, флигель для дома инвалидов. Все это было создано силой воли и личности. И пусть все они тут рядом с ним карлики, он у всех искал совета и многое принимал.

Эта сила его личности могла создавать и калечить. А будь он добрее, сумел бы он добиться большего? Впрочем, активность и доброта уживаются редко, хотя, когда это происходит, их не остановить.

Остановить Портера было можно. Собственно, он и сам остановился. И теперь совет Лит-Иста был единственным кораблем, на мостике которого он стоял. Элизабет знала Портера уже семьдесят лет, с тех пор как увидела его в школе поедающим ланч в одиночестве и стала составлять ему компанию. Портер думал, что она хочет подольститься к человеку, принадлежащему к великому клану Уилсонов, и относился к ней с пренебрежением.

⁸ *Линия Мэйсона – Диксона* – граница, проведенная в 1763–1767 годах для разрешения векового спора между британскими колониями в Америке, служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

Но она продолжала составлять ему компанию. Не потому, что он ей нравился, а потому, что даже тогда она знала нечто такое, на понимание чего Портеру Уилсону потребовались десятилетия. Англоязычные канадцы Квебек-Сити больше не были движущей силой, парходом или изящным пассажирским лайнером общества и экономики.

Они были маленьким плотиком. На воле волн. А войну с плотика не объявляют.

Элизабет Макуиртер уже тогда знала это. И когда Портер принимался раскачивать лодку, она ее выравнивала.

Она смотрела на Портера Уилсона и видела небольшого, энергичного человека в парике. Его волосы – там, где еще оставались его собственные волосы, – были выкрашены в такой черный цвет, что им даже стулья могли позавидовать. Глаза у него были карие, и он нервно стрелял ими в разные стороны.

Первым появился мистер Блейк, старейший член комитета. Он практически жил в Лит-Исте. Мистер Блейк снял пальто и остался в костюме из шерстяной ткани и стираной белой рубашке с синим шелковым галстуком. Мистер Блейк всегда приходил в лучшем виде. Джентльмен, в присутствии которого Элизабет чувствовала себя молодой и красивой. Она ему нравилась, когда была неловким подростком, а он – в расцвете своих двадцати пяти.

Тогда он был привлекателен и не потерял привлекательности шестьдесят лет спустя, хотя волосы его поредели и поседели, а некогда стройное тело округлилось. Но глаза оставались умными и живыми, а сердце – большим и сильным.

– Элизабет.

Мистер Блейк улыбнулся и взял ее за руку, задержав на мгновение. Никогда слишком долго, никогда слишком фамильярно. Просто чтобы она почувствовала его руку.

Он сел на стул, и Элизабет подумала, что стул давно пора заменить. Но если уж на то пошло, то пора заменить и Блейка. Всех их пора заменить.

Что будет, когда все они вымрут и от совета Литературно-исторического общества останутся одни выдавшие виды пустые стулья?

– Хорошо бы повернуть все побыстрее. У нас тренировка через час.

Появился Том Хэнкок, а за ним – Кен Хэслам. Эти двое в последнее время никогда не расставались и, будучи членами одной команды, готовились принять участие в этих нелепых гонках.

Том был радостью Элизабет. Ее надеждой. И не только потому, что занимал пост священника в находящейся совсем рядом пресвитерианской церкви Святого Андрея.

Он был молод и появился в сообществе недавно – всего три года назад переехал в Квебек-Сити. В свои тридцать три года он был в два раза младше следующего самого молодого члена совета. Не было в нем пока этого цинизма, этой прожженности. Он продолжал верить, что его церковь еще обретет новых прихожан, что английское сообщество вдруг нарождает детей, а те проникнутся желанием остаться в Квебек-Сити. Он верил квебекскому правительству, когда оно обещало предоставить англоговорящим такие же права на работу, какие есть у франкоговорящих. И медицинское обеспечение на их родном языке. И образование. И дома для престарелых. Чтобы, когда никаких надежд не останется, они могли умереть, слыша от тех, кто заботится о них, родную речь.

Ему удалось вселить в совет надежду на то, что еще не все потеряно. И что, может быть, это даже и не война. Что это не какое-то ужасное продолжение битвы на Полях Авраама⁹, в которой на сей раз поражение терпят англичане. Элизабет кинула взгляд на удиви-

⁹ *Битва при Квебеке* (битва на Полях Авраама) – одно из решающих сражений войны французов с англичанами за колонии в Северной Америке 13 сентября 1759 года, на равнине, получившей свое название в честь Авраама Мартена (1559–1664), который пас там скот. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить Квебек и тем самым установить свою власть над всей территорией Канады. Ныне на этом месте разбит парк.

тельно маленькую статую генерала Джеймса Вольфа¹⁰. Дух этого прославленного мученика битвы, состоявшейся двести пятьдесят лет назад, зримо присутствовал в библиотеке Литературно-исторического общества в виде деревянного укора. Он был свидетелем их мелких стычек и вечно напоминал им о великой битве, которую он выиграл для них. Битве, в ходе которой он и погиб, но перед смертью успел-таки испытать торжество победы на этих обильно политых кровью фермерских полях. Он погиб, но прежде закончил войну и закрепил земли Квебека за англичанами. На бумаге.

И вот теперь из угла уютной старой библиотеки генерал Вольф смотрел на них сверху вниз. В буквальном и фигуральном смысле, как подозревала Элизабет.

– Ну что, Кен, – сказал Том, занимая свое место рядом с названным джентльменом, – вы в форме? Готовы к гонкам?

Элизабет не слышала ответа Кена Хэслама. Правда, она и не ожидала, что услышит. Губы Кена шевельнулись, слова сформировались, но так и не прозвучали.

Они все помедлили, возможно думая, что сегодня он произнесет хоть слово не шепотом. Но их надежды были тщетны. Тем не менее Том Хэнкок продолжал что-то говорить Кену, словно между ними и в самом деле происходил какой-то словесный обмен.

Элизабет и за это любила Тома. Он не поддавался всеобщему мнению, будто молчаливость Кена объясняется его глупостью. Элизабет точно знала, что Кен не глуп. Кен, которому перевалило за шестьдесят, был самым успешным из них – он построил собственный бизнес. А теперь достиг и еще кое-чего весьма примечательного.

Он записался на участие в опасных гонках на каноэ¹¹. В команду Тома Хэнкока. Он стал старейшим членом команды, старейшим из всех участников нынешних гонок. А может, и всех предыдущих.

Глядя на Кена, тихого и спокойного, и на Тома, молодого, энергичного, красивого, Элизабет думала, что, наверное, эти двое прекрасно понимают друг друга. Возможно, у них есть какие-то общие интересы, о которых они помалкивают.

Не в первый раз Элизабет задумывалась о Томе Хэнкоке. Почему он приехал сюда священником и почему остановился в стенах Старого города. Элизабет знала, что не каждый способен жить за стенами крепости.

– Давайте начнем, – сказал Портер, выпрямляясь на своем стуле.

– Уинни еще не появилась, – напомнила Элизабет.

– Мы не можем ждать.

– Почему? – спросил Том спокойным голосом.

Но Портер все равно услышал в его вопросе вызов.

– Потому что уже больше чем пол-одиннадцатого и именно вы хотели свернуть все побыстрее, – ответил Портер, довольный тем, что осадил мальчишку.

«И опять, – подумала Элизабет, – Портер умудряется смотреть на друга, а видеть врага».

– Вы правы. Но все же я готов подождать, – улыбнулся Том, не желая вступать в перепалку.

– А я не готов. Что у нас там под первым пунктом в повестке?

Некоторое время до прибытия Уинни они обсуждали приобретение новых книг. Появилась Уинни. Маленькая и энергичная, она была фанатична в своей преданности. Английскому сообществу, Лит-Исту, но в первую очередь своим друзьям.

Она вошла, бросила на Портера испепеляющий взгляд и села рядом с Элизабет.

– Я смотрю, вы начали без меня, – сказала она. – Я же говорила, что немного опоздаю.

¹⁰ Джеймс Вольф – командующий английской армией во время Квебекского сражения. Получил смертельное ранение и умер.

¹¹ Гонки на каноэ проводятся на реке Св. Лаврентия в зимнее время. Задача участников – пересечь замерзшую реку и вернуться обратно. Правда, чаще спортсменам приходится скользить на каноэ по льду или тянуть его на себе, чем плыть.

– Говорили. Но это не означает, что мы должны были вас ждать. Мы обсуждаем приобретение новых книг.

– И вам не пришло в голову, что этот вопрос лучше всего обсуждать с библиотекарем?

– Ну, теперь вы здесь.

Остальные члены совета наблюдали за этим, как за теннисным матчем на Уимблдоне, хотя и с гораздо меньшим интересом. Было совершенно ясно, кто здесь с яйцами и кто одержит победу.

Пятьдесят минут спустя они почти исчерпали повестку дня. Из овсяного печенья осталась одна штука, и члены совета поглядывали на нее, хотя воспитание не позволяло ее взять. Они обсудили счета за отопление, парковку для членов общества, потрепанные старые книги, завещанные обществу вместо денег. Книги эти обычно представляли собой собрания проповедей или сборники трагической викторианской поэзии. Иногда попадался скучный дневник какого-нибудь путешественника, рассказывающего о каждом дне своей поездки на Амазонку или в Африку, чтобы пострелять несчастных диких животных и понаделать из них чучел.

Они обсудили возможность продажи некоторых книг, но после предыдущего фиаско этот разговор не затянулся.

Элизабет, ведущая протокол, сдерживала себя, чтобы не шевелить губами, повторяя реплики членов совета. Это была литургия. Знакомая и странным образом утешительная. На каждом заседании снова и снова повторялись одни и те же слова. Всегда и неизменно. Аминь.

Эту спокойную литургию вдруг прервал какой-то звук. Звук настолько необычный и пугающий, что Портер чуть не вскочил со стула.

– Что это было? – прошептал Кен Хэслам.

Для него это было равносильно крику.

– Кажется, дверной звонок, – ответила Уинни.

– Дверной звонок? – переспросил Портер. – Я и не знал, что у нас есть звонок.

– Поставлен в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, когда нас посетил губернатор провинции и не смог войти, – сказал мистер Блейк так, словно присутствовал при этом. – Сам я его никогда не слышал.

Но звонок прозвенел снова. Долгий, пронзительный.

Элизабет заперла парадную дверь Литературно-исторического общества, после того как прибыли все члены. Мера предосторожности, чтобы их не прервали. Впрочем, их никто никогда не прерывал, так что это была скорее дань традиции, чем необходимость. К тому же она повесила на толстой деревянной двери объявление: «ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. БИБЛИОТЕКА ОТКРОЕТСЯ В ПОЛДЕНЬ. СПАСИБО. Мерси».

Звонок зазвонил снова. Кто-то давил на него, не отрывая пальца от кнопки.

Но члены совета продолжали глазеть друг на друга.

– Пойду посмотрю, – сказала Элизабет.

Портер уткнулся в свои бумаги – вот она, мужская доблесть.

– Нет. – Уинни встала. – Я пойду. А вы оставайтесь здесь.

Все проводили ее взглядом. Она исчезла в коридоре, осталось только цоканье каблучков по ступеням деревянной лестницы. Воцарилось молчание. Потом они снова слышали ее шаги на лестнице.

Они слушали, как шаги приближаются. Наконец Уинни пришла, но остановилась в дверях, лицо у нее было бледное и серьезное.

– Там один человек. Он хочет поговорить с советом.

– Так-так, – проговорил Портер, только теперь, когда пожилая женщина уже сходила к дверям, вспомнивший, что он их вождь. – И кто же это?

– Огюстен Рено, – сказала она, вглядываясь в их лица.

Если бы она сказала: «Дракула», они не испугались бы сильнее. Впрочем, для англоязычных канадцев «испугаться» означало поднять брови.

Все брови в комнате взметнулись, и если бы то же самое мог сделать и генерал Вольф, то непременно сделал бы.

– Я оставила его на улице, – произнесла Уинни в тишину.

Словно подтверждая это, звонок взорвался снова.

– Что будем делать? – спросила Уинни, но обратила эти слова не к Портеру, а к Элизабет.

Все посмотрели на Элизабет.

– Мы должны проголосовать, – сказала наконец Элизабет. – Принять его или нет.

– Правильно, – подхватил Портер.

– Его нет в повестке дня, – сообщил мистер Блейк.

– Верно, – сказал Портер, пытаясь вернуть бразды правления в свои руки.

Но даже он посмотрел на Элизабет.

– Кто за то, чтобы позволить Огюстену Рено выступить перед советом? – спросила Элизабет.

Не поднялось ни одной руки.

Элизабет опустила авторучку, не записав результаты голосования. Она коротко кивнула и встала:

– Я ему скажу.

– Я пойду с вами, – вызвалась Уинни.

– Нет, дорогая, оставайтесь здесь. Я мигом. Нет, правда. – Она помедлила у двери, оглядела членов совета и генерала Вольфа, взирающего на них сверху. – Насколько это может быть плохо?

Но они все знали ответ. Когда приходил Огюстен Рено, добром это никогда не кончалось.

Глава вторая

Арман Гамаш устроился на потертом кожаном диване под статуей генерала Вольфа. Кивнув пожилому человеку, сидевшему напротив, он вытащил из сумки письма. После прогулки по городу с Эмилем и Анри Гамаш вернулся домой, взял свою почту, собрал записки, сунул их в сумку, а потом вместе с Анри отправился вверх по холму.

В тихую библиотеку Литературно-исторического общества.

Гамаш взглянул на плотный конверт, лежащий рядом с ним на диване. Ежедневная корреспонденция из управления в Монреале пересылалась в дом Эмиля. Вот и на сей раз агент Изабель Лакост рассортировала почту и отправила ее с сопроводительной запиской.

«Дорогой шеф!

Рада была поговорить с Вами. Завидую Вашим нескольким дням в Квебеке. Я все время говорю мужу, что нужно отвезти детей на карнавал, но он утверждает, что они еще слишком маленькие. Может быть, он прав. Но дело в том, что мне самой очень хочется.

Допросы подозреваемого (так трудно называть его подозреваемым, когда есть полная уверенность) продолжают. Я не слышала, что он говорит, если он вообще что-то говорит. Как Вы знаете, была организована Королевская комиссия. Вы уже давали показания? Я получила вызов на завтра. Не знаю, что им говорить».

Гамаш на минуту оторвался от записки. Агент Лакост, конечно, скажет им правду. Так, как она ее понимает. Выбора у нее нет – ни характер, ни жизненный опыт не позволяют ей ничего иного. Перед отъездом он приказал всему управлению сотрудничать с комиссией.

Как сотрудничал сам Гамаш.

Он вернулся к записке.

«Никто не знает, к чему это приведет и чем кончится. Но подозрения есть. Атмосфера напряженная.

Буду Вас информировать.

Изабель Лакост».

Такое тяжелое – не удержать – письмо медленно опустилось ему на колени. Гамаш устоял в пространстве, и перед его мысленным взором замелькало лицо агента Лакост. Ее образ то возникал, то исчезал. Она смотрела на него и, казалось, кричала что-то, хотя он и не мог разобрать что. Он почувствовал, как ее маленькие сильные руки ухватили его за голову, увидел, как она подалась к нему, как шевелятся ее губы, как пристально смотрят глаза, пытаются что-то донести до него. Он почувствовал, как ее руки сдергивают бронежилет с его груди. Увидел на них кровь, увидел выражение ее лица.

Потом увидел ее снова.

На похоронах. Скольких тогда провожали... Она стояла в одном ряду с другими агентами знаменитого отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, а он – во главе этой скорбной колонны. Хоронили тех, кто был под его началом и погиб в тот день на заброшенной фабрике.

Гамаш закрыл глаза и глубоко вздохнул, вдыхая терпкий библиотечный дух. Дух былых веков, стабильности, спокойствия и мира. Старомодной полировки, дерева, слов в потертых кожаных переплетах. Ощутил он и собственный слабый запах розовой воды и сандалового дерева.

И он подумал о чем-то хорошем, о чем-то приятном, о какой-то тихой гавани. И нашел все это в Рейн-Мари, вспомнив ее голос в телефонной трубке. Веселый. Домашний. Уютный. Гамаш разговаривал с ней сегодня чуть раньше. Их дочь Анни придет на обед вместе с мужем. Нужно прикупить что-нибудь, полить цветы, прочитать пришедшие письма.

Он видел ее по мобильнику в их утремонской квартире, у книжного шкафа: солнечная комната полна книг, периодики и уютной мебели, повсюду порядок и покой.

В их квартире было спокойствие, как и в самой Рейн-Мари.

И он почувствовал, что его сердце успокоилось, дыхание стало глубже. Набрав в легкие побольше воздуха, он открыл глаза.

– Ваша собака не хочет водички?

– Простите? – Гамаш тряхнул головой и увидел пожилого человека – тот сидел напротив Гамаша и показывал на Анри.

– Я когда-то приходил сюда с Симусом. Я читал, а он лежал у моих ног. Как и ваш пес. Его как зовут?

– Анри.

Услышав свое имя, молодая овчарка села, насторожилась, громадные уши зашевелились, как радары, ловящие сигнал.

– Умоляю вас, месье, только не говорите «мячик» – тут его уже будет не удержать.

Человек рассмеялся:

– Симус возбуждался каждый раз, когда я говорил «книга». Он знал, что мы идем сюда. Похоже, ему это нравилось даже больше, чем мне.

Гамаш приходил в эту библиотеку каждый день вот уже почти неделю, и, если не считать разговоров шепотком с библиотекаршей, которая помогала ему искать малоизвестные книги о битве на Полях Авраама, прежде он ни с кем тут не разговаривал.

Было таким облегчением не говорить, не объяснять, не чувствовать, что объяснение желательно и даже обязательно. Все это никуда не денется, вскоре вернется. Но пока он искал и находил покой в этой безвестной библиотеке.

Хотя Гамаш не первый год приезжал к своему наставнику и считал, что хорошо знает Старый город, однако здесь он не бывал ни разу. Даже не замечал здания библиотеки среди других красивых домов, церквей, монастырей, школ, отелей и ресторанов.

Но здесь, прямо на рю Сен-Станисла, где стоял старинный дом Эмиля, Гамаш обнаружил святилище в английской библиотеке, среди книг. А где же еще?

– Он хочет водички? – повторил свой вопрос старик.

Он явно старался помочь, и хотя Гамаш не думал, что Анри чего-то надо, он сказал: да, спасибо. Они вместе вышли из библиотеки, прошли по отделанному деревом коридору, мимо портретов прежних глав Литературно-исторического общества. Казалось, что библиотека обросла своей собственной историей.

Это придавало ей некую ауру спокойствия и стабильности. Впрочем, Старый город, огороженный толстой стеной, почти весь был такой. Единственный город-крепость в Северной Америке, город, защищенный от нападения.

Стены эти давно уже имели символическое, а не практическое значение, но Гамаш знал, что символы подчас сильнее пушечных ядер. И в самом деле, люди умирали, города сдавались врагу, а символы оставались, крепились.

Символы были бессмертны.

Пожилой человек налил воды в миску, и Гамаш отнес ее в зал библиотеки, поставил на полотенце, чтобы вода не пролилась на широкие темные паркетины. Анри, конечно, проигнорировал это.

Двое мужчин вернулись на свои места. Гамаш заметил, что старик читает какой-то толстенный том по садоводству. Сам он вернулся к переписке – к той выборке писем, которую, по мнению Изабель Лакост, ему будет интересно прочитать. Большинство писем пришло от сочувствующих коллег со всего мира, другие – от граждан, которые тоже хотели выразить свои чувства. Гамаш прочитывал их все, отвечал на все, испытывая благодарность к Лакост за то, что она присылает ему лишь выборку.

Последним он прочел письмо, о присутствии которого знал. Оно всегда было в пачке. Каждый день. Оно было написано знакомым ему почерком, почти неразборчивой скорописью, но Гамаш научился разбирать этот почерк и теперь мог прочесть каракули.

«Дорогой Арман!

Думаю о Вас и молюсь о том, чтобы Вам стало лучше. Мы часто о Вас вспоминаем и надеемся, что Вы заедете к нам в гости. Рут говорит, что Вы должны приехать с Рейн-Мари, потому что она, Рут, Вас на самом деле не любит. И все же она просит меня передать Вам привет и посылает в жопу».

Гамаш улыбнулся. Это было одним из самых мягких пожеланий Рут Зардо. Почти что проявлением нежности. Почти.

«Но у меня все же есть один вопрос. Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого.

С любовью,

Габри».

В письмо Габри, как всегда, вложил лакричную трубочку. Гамаш взял ее, подумал и предложил человеку, сидящему напротив.

– Лакричная конфета? – Человек взглянул на Гамаша, потом на подношение. – Вы предлагаете конфету незнакомому человеку? Надеюсь, мне не придется вызывать полицию.

Гамаш непроизвольно напрягся. Неужели этот человек узнал его? Это что, завуалированная угроза? Но старик улыбался, а его блеклые глаза бесхитростно смотрели на Гамаша. Протянув руку, он сломал трубочку и большую часть отдал Гамашу. Ту часть, что с конфетным пламенем, лучшую и самую большую часть.

– Merci, vous êtes très gentil.

«Спасибо, вы очень добры», – сказал человек.

– C'est moi qui vous remercie.

«Это я должен быть вам благодарен», – возразил Гамаш.

Обычный обмен любезностями между вежливыми людьми, но от этого не менее искренний. Человек говорил на идеальном французском, на котором говорят культурные, образованные французы. Может быть, с некоторым акцентом, но Гамаш понимал, что это, вероятно, предвзятая оценка, поскольку он знает: этот человек англоязычный канадец, тогда как сам он канадец франкоязычный.

Они посасывали свои части трубочки и читали каждый свое. Анри лежал рядом, а в половине четвертого библиотекаря по имени Уинни включила свет. Солнце уже садилось в городе-крепости, и в библиотеке, что приютилась в его стенах, становилось темновато.

Гамашу это напомнило матрешку. Снаружи находится Северная Америка, а в ней – Канада, а внутри Канады – Квебек. А внутри Квебека? Нечто еще более мелкое – маленькое английское сообщество. А что в нем?

Это место. Литературно-историческое общество. Оно хранило их записи, их мысли, их воспоминания, их символы. Гамашу не нужно было поднимать взгляд на статую, под которой он сидел, чтобы узнать, кто это. Это место хранило память о своих вождях, своей культуре и достижениях. Хранило что-то давно забытое или никогда не известное франкоязычному большинству за пределами этих стен, но живое здесь.

Примечательное место, о существовании которого практически не знали франкоязычные граждане. Когда он сказал об этом Эмилю, его старый друг подумал, что Гамаш шутит, выдумывает, а ведь это здание находилось в двух кварталах от его дома.

Да, это было похоже на матрешку. Одно находится в другом, а в самой сердцевине лежит крохотная жемчужина. Но вот что неясно: просто ли лежит или же прячется?

Гамаш увидел, как Уинни прошла по библиотеке с ее книжными стеллажами от пола до потолка, индейскими коврами на деревянных полах, длинным деревянным столом. Два старинных кожаных кресла и потертый кожаный диван, на котором сидел Гамаш, разложив перед собой на кофейном столике письма и книги, были чем-то вроде читального зала. Стройный ряд стеллажей нарушали арочные окна, через них в помещение проникал свет, если снаружи был свет. Но самым поразительным в этой библиотеке была антресоль, проходившая поверху. Посетители могли подняться по кованой металлической винтовой лестнице ко второму этажу стеллажей, упиравшихся в оштукатуренный потолок.

Это помещение было заполнено множеством томов, больших и маленьких. Светом. Покоем.

Гамаш не мог поверить, что все эти годы не знал о библиотеке, что набрел на нее совершенно случайно, когда прогуливался, пытаясь прогнать навязчивые видения. Еще хуже этих незванных мелькающих образов были звуки. Звуки выстрелов, стоны дерева и стен, в которые вгрызались пули. Крики, потом вопли.

Но громче всего этого звучал тот спокойный, доверчивый молодой голос: «Я вам верю, сэр».

Арман и Анри покинули библиотеку и обычным маршрутом обошли ближайшие магазины, купив отборные сыры из сырого молока, паштет и ягнятину от Ж. А. Муасана, фрукты и овощи в продовольственном магазине на другой стороне улицы, свежий, еще теплый батон в пекарне Пайяра на рю Сен-Жан. Добравшись домой раньше Эмиля, Гамаш подбросил дров в камин, чтобы поднять температуру в доме. Дом был построен в 1752 году, и хотя каменные стены толщиной в три фута могли запросто выдержать попадание пушечного ядра, против зимних ветров дом был незащищен.

Гамаш принялся готовить, и в доме потеплело. Когда появился Эмиль, в теплом воздухе уже стоял запах розмарина, чеснока и ягненка.

– Salut!¹² – крикнул Эмиль от входной двери, а несколько секунд спустя появился на кухне с бутылкой красного вина и полез в ящик за штопором. – Пахнет потрясающе.

Гамаш принес ежевечерний поднос с батоном, сырами и паштетом в гостиную, поставил на стол перед камином, а Эмиль принес вино.

– Santé!¹³

Они уселись у камина и выпили. Перекусив, рассказали друг другу, как прошел у них день. Эмиль завтракал с друзьями в «Шато-Фронтенак», потом занимался розысканиями для общества Шамплейна. Гамаш поведал о своих тихих часах в библиотеке.

– Так ты нашел, что искал? – поинтересовался Эмиль, взяв кусочек паштета из печени дикого кабана.

Гамаш покачал головой:

– Это должно быть где-то там. Иначе все события лишаются всякого смысла. Мы знаем, что в тысяча семьсот пятьдесят девятом году французская армия находилась в полумиле отсюда – ждала англичан.

Об этой битве знали все квебекские школьники, она им снилась, они снова и снова участвовали в ней с деревянными мушкетами на воображаемых лошадях. Страшное сражение, решавшее судьбу города, территории, страны и континента. Квебекская битва, которой в 1759 году фактически завершилась Семилетняя война. По иронии судьбы, после стольких лет сражений между французами и англичанами в Новой Франции решающая битва стала очень короткой. Но жестокой.

¹² Привет! (фр.)

¹³ Будем здоровы (фр.).

Гамаш говорил, и они оба представляли себе это побоище. Холодный сентябрьский день. Армия под командованием генерала Монкальма, представлявшая собой смесь элитных французских войск и квебекцев, более привычных к партизанской тактике, чем к регулярным военным действиям. Французы прикладывали все усилия, чтобы снять осаду с Квебека, где стоял ужасный, жестокий голод. На крошечный город упало более пятнадцати тысяч ядер, и теперь, когда зима стояла на пороге, осаду нужно было прорвать, или их всех ждала смерть. Мужчин, женщин, детей. Нянек, монахинь, плотников, учителей. Всех ожидал один конец.

Генерал Монкальм и его войско вступили в бой с мощной английской армией – и началось беспрецедентное сражение. Победитель получает все.

Монкальм, отважный опытный воин, боевой командир, воодушевлявший солдат своим примером. Герой для своих солдат.

А кто против него? Не менее отважный и блестящий воин – генерал Вольф.

Квебек был построен на утесе в месте сужения реки. Это было большим стратегическим преимуществом. Никакой враг не мог атаковать его в лоб – ведь для этого требовалось забраться на утес, а это было невозможно.

Но атаковать можно было и с реки, а там нападающих поджидал Монкальм. Была, однако, и еще одна возможность – площадка, расположенная чуть выше. Будучи опытным командующим, Монкальм послал туда одного из своих лучших людей – своего собственного адъютанта, полковника Бугенвиля.

И вот наступила середина сентября 1759 года.

Но Монкальм совершил ошибку. Страшную ошибку. Даже несколько ошибок, и это собирався доказать Арман Гамаш, взявшийся за изучение истории Квебека.

– Очаровательная теория, Арман, – сказал Эмиль. – И ты на самом деле веришь, что в этой маленькой библиотеке можно найти ключ к разгадке? В этой английской библиотеке?

– А где ему еще быть?

Эмиль Комо кивнул. Он радовался тому, как увлекла его друга эта тема. Когда Арман и Рейн-Мари приехали к нему неделю назад, Эмилю понадобился целый день, чтобы привыкнуть к изменениям, произошедшим с Гамашем. И дело было не только в бороде или шрамах, – недавнее прошлое непосильным бременем легло на его плечи, согнуло, сломало его. А теперь Гамаш, хотя и не забыл о прошлом, был уже не так погружен в себя.

– Ну а до писем ты добрался?

– Да, и нужно ответить на некоторые. – Гамаш достал пачку писем, помедлил несколько секунд, потом принял решение и вытащил одно. – Я хочу, чтобы вы его прочли.

Эмиль отхлебнул вина, прочел и рассмеялся. Вернул письмо Гамашу:

– Эта Рут явно в тебя влюблена.

– Будь у меня косички, она бы за них дергала, – улыбнулся Гамаш. – Кстати, я думаю, вы ее знаете.

И он продекламировал:

Кто причинил тебе такую боль,
что рана не затянется вовеки,
что каждую попытку примиренья
встречаешь ты кривой ухмылкой?

– Так это та самая Рут? – спросил Эмиль. – Рут Зардо? Поэтесса?

И он дочитал до конца это поразительное стихотворение, которое теперь изучали в школах по всему Квебеку:

Но мы, все те, кто знал тебя,

твои друзья (презрения твоего объект),
мы видели, что ты не знаешь страха,
мы знали разум твой и острое словцо
и будем вспоминать тебя
почти с любовью.

Двое мужчин помолчали несколько мгновений, глядя в пляшущие язычки пламени, забывшись в собственных мыслях о любви и утрате, о ране, которая не затянется вовеки.

– Я думал, она умерла, – сказал наконец Эмиль, намазывая паштет на мягкий хлеб.

Гамаш рассмеялся:

– Когда Габри представлял Рут моей жене, он сказал, что они откопали ее в собственном подвале.

Эмиль снова взял письмо.

– А кто такой Габри? Друг?

Гамаш помедлил:

– Да. Он живет в той маленькой деревеньке, о которой я вам рассказывал. Три Сосны.

– Помню-помню, ты был там несколько раз. Расследовал какие-то убийства. Я как-то пытался найти эту деревеньку на карте. Ты говорил, к югу от Монреаля, на границе с Вермонтом?

– Да.

– Что ж, – сказал Эмиль, – наверно, я слеп, потому что мне ее найти не удалось.

Гамаш кивнул:

– Картографы каким-то образом умудрились ее не заметить.

– Тогда как же люди туда попадают?

– Не знаю. Может, она вдруг сама возникает из ниоткуда.

– «Я был слеп, но теперь я вижу»?¹⁴ – процитировал Эмиль. – Ее видят только бедолаги вроде тебя?

Гамаш рассмеялся:

– Там лучшее кофе с молоком и круассаны во всем Квебеке. Я счастливый бедолага. – Он снова встал и положил на кофейный столик остальные письма. – Еще я хотел показать вам вот это.

Эмиль принялся их читать, а Гамаш прихлебывал вино, ел сыр с булкой, наслаждался покоем в комнате, знакомой и удобной, как в его доме.

– И все они от того самого Габри, – сказал наконец Эмиль, постучав пальцем по стопке писем. – Как часто он тебе пишет?

– Каждый день.

– Каждый день? Он что, одержим тобой? Или это угроза? – Эмиль подался вперед, его взгляд неожиданно стал цепким, вся шутливость исчезла.

– Нет-нет, ничего подобного. Он друг.

– «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? – прочел Эмиль в одном из писем. – Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого». Он пишет одно и то же в каждом письме. – Эмили взял несколько и просмотрел их. – И что это значит?

– Я расследовал это дело прошлой осенью – на уик-энд Дня труда. В бистро Оливье в Трех Соснах было найдено тело. Жертва была убита единственным ударом по голове.

– Единственным?

Его наставник сразу ухватил самую суть. Единственный смертельный удар. Такое случилось крайне редко. Если человек получал один удар, то за этим почти наверняка следовали и

¹⁴ Слова из христианского гимна, написанного английским поэтом Джоном Ньютоном в 1779 году.

другие – убийца впадал в неистовство и обрушивал на жертву множество ударов. Почти никогда не видели они одного удара, настолько сильного, что его хватало. Это означало следующее: убийца был так взбешен, что вложил в удар все свои силы, но в то же время контролировал себя настолько, что после этого остановился. Подобное сочетание было пугающим.

– Убитый не имел при себе никаких документов, но нам удалось найти домик в лесу, где он жил и где был убит. Видели бы вы, что там обнаружилось.

У Эмиля Кома было живое воображение – его на протяжении десятков лет подкармливали жуткие находки. Он ждал от Гамаша описания этого ужасного домика.

– Домик был полон сокровищ.

– Сокровищ?

– Я знаю, – улыбнулся Гамаш, видя лицо Эмиля. – Мы тоже этого не ждали. Это было невероятно. Старинные вещи, артефакты. Они не имели цены.

Его наставник весь превратился во внимание. Он подался вперед, сцепил пальцы, расслабленный и настороженный. Тот, кто когда-то был охотником за убийцами, оставался им навсегда. И теперь он почувствовал запах крови. Все, что Гамашу было известно об убийствах, он узнал от этого человека. И о многом другом узнал он от него.

– Продолжай, – велел Кома.

– Там были первые издания с автографами авторов, старинный фарфор, хрусталь, изготовленный тысячу лет назад. Там обнаружилась панель из Янтарной комнаты, посуда, принадлежавшая Екатерине Великой.

И скрипка. В мгновение ока Гамаш перенесся в этот домик, увидел перед собой агента Поля Морена. Неловкий, долговязый, молодой, Морен взял бесценную скрипку, прижал ее подбородком, сросся с ней. Его тело внезапно утратило всякую неуклюжесть, он словно родился для этого инструмента. И лесной бревенчатый домик наполнился прекраснейшими звуками кельтского плача, навсегда остающегося в памяти.

– Арман?

– Извините. – Гамаш вернулся в каменный дом в Квебек-Сити. – Так, вспомнил кое-что. Наставник Гамаша изучающе посмотрел на него:

– Все нормально?

Гамаш кивнул и улыбнулся:

– Просто мелодия.

– Вы нашли того, кто убил этого затворника?

– Нашли. Улик было более чем достаточно. Мы нашли оружие убийства и другие вещи из того домика в бистро.

– Убийцей оказался Оливье?

Эмиль поднял пачку писем, и Гамаш кивнул:

– Никто не мог в это поверить. Я не мог в это поверить. Но так оно и было.

Эмиль посмотрел на своего собеседника. Он хорошо знал Армана.

– Ты ему симпатизировал, этому Оливье?

– Он был другом. И остался другом.

Гамаш опять вспомнил, как они сидели в этом веселеньком бистро, а перед ними лежали улики, которые безусловно указывали на его друга. Вспомнил ужасное осознание того, что Оливье – убийца. Он забрал сокровища из лесного домика. Но что еще хуже, он забрал жизнь того человека.

– Ты сказал, что тело было обнаружено в бистро, но ведь его убили в собственном домике? Габри это имеет в виду? Зачем Оливье понадобилось перетаскивать тело из домика в бистро?

Гамаш долго молчал, а Эмиль не торопил его, прихлебывая вино и думая о своем. Он смотрел в огонь и ждал.

Наконец Гамаш заговорил:

– Габри задает хороший вопрос.

– Они партнеры?

Гамаш кивнул.

– Что ж, он просто не хочет верить, что это сделал Оливье. Вот и все.

– Да, не хочет. Но вопрос остается хорошим. Если Оливье убил Отшельника в лесном домике, то зачем ему тащить тело туда, где оно будет обнаружено?

– К тому же в собственное бистро.

– Нет, тут все сложнее. Вообще-то, он перетащил тело в ближайшую гостиницу со спа-салонам. Он признает, что перетащил туда тело, потому что пытался уничтожить спа. Он видел в нем конкурента.

– Значит, ответ у тебя есть.

– В том-то и дело, что, кроме ответа, у меня нет ничего, – сказал Гамаш, всем корпусом поворачиваясь к Эмилю. – Оливье утверждает, что нашел Отшельника убитым и решил воспользоваться трупом, как своего рода орудием, чтобы навредить конкуренту. Но он говорит, что если бы и в самом деле совершил убийство, то оставил бы тело в домике. Оставил бы в домике либо оттащил в лес, чтобы его съели койоты. Зачем убивать кого-то, а потом тащить тело туда, где его обнаружат?

– Но постой, – перебил его Эмиль, пытаясь осмыслить услышанное. – Ты сказал, что тело было найдено в собственном бистро Оливье. Как же это случилось?

– К несчастью для Оливье, владельцу гостиницы и спа-салона пришла в голову та же идея. Когда он обнаружил тело, то перетащил его в бистро, чтобы попытаться уничтожить Оливье.

– Хорошенькие соседи. Как пауки в банке.

Гамаш кивнул:

– У нас ушло на это какое-то время, но в конечном счете мы нашли домик, и его сокровища, и свидетельство того, что Отшельника убили именно там. Криминалистическая экспертиза показала, что в домике бывали только два человека – Отшельник и Оливье. А потом некоторые предметы из домика мы обнаружили в бистро Оливье. Включая и орудие убийства. Оливье признался, что похитил их...

– Вот глупый человек.

– Корыстный человек.

– Ты его арестовал?

Гамаш кивнул, вспоминая тот жуткий день, когда он выяснил правду и должен был действовать. Вспоминая лицо Оливье, но еще хуже – лицо Габри.

А потом судебный процесс, дача показаний, свидетели.

Приговор.

Гамаш взглянул на стопку писем на диване. По одному на каждый день после вынесения приговора Оливье. Все дружелюбные, все содержавшие один и тот же вопрос:

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Ты все время называешь этого человека Отшельником. А кто он такой?

– Иммигрант из Чехии по имени Якоб. Больше нам ничего не известно.

Эмиль посмотрел на него, потом кивнул. Было не совсем обычно, что жертву убийства не удалось опознать, но такое случалось, особенно в тех случаях, когда убитый явно не хотел быть опознанным.

Они перешли в столовую с ее голыми каменными стенами, открытой кухней и ароматом жарящейся ягнятины и овощей. После обеда облачились в куртки, надели ошейник на Анри и вышли в морозный вечер. Снег поскрипывал под их подошвами. Они присоединились к толпе, устремившейся к громадной арке в стене на Плас-д'Увиль, где ожидалась церемония открытия Квебекского карнавала.

В разгар праздника, когда всюду звучали скрипки, детишки катались на санках, а фейерверки освещали небо над Старым городом, Эмиль повернулся к Гамашу:

– Так почему Оливье переместил тело, Арман?

Гамаш застыл посреди этих взрывов, вспышек света, людей, толпящихся вокруг, толкающихся и кричащих.

В сумерках заброшенной фабрики он увидел, как Жан Ги Бовуар упал, раненный. Он увидел вооруженных людей, которые открыли по ним стрельбу в месте, которое считалось почти незащищенным.

Он совершил ошибку. Страшную, ужасную ошибку.

Глава третья

На следующее утро в воскресенье Гамаш взял Анри прогуляться по свежему снежку на рю Сент-Урсюль, чтобы позавтракать в «Ле пти куан латен». Дожидаясь омлета и кофе с молоком, он смотрел, как гуляющие направляются в блинные на рю Сен-Жан. Забавно было наблюдать за происходящим из теплого уютного бистро в стороне от большой дороги, когда Анри лежит у его ног.

Гамаш прочитал свежие номера «Ле солель» и «Ле девуар», потом сложил газеты и снова взялся за почту из Трех Сосен. Он живо представил Габри, крупного, говорливого, великолепного, сидящего в бистро, которое он теперь возглавлял. Вот он наклоняется над длинным полированным деревянным столом и пишет. В обоих концах большого помещения с балками под потолком топят камины из плитняка, ревет огонь, наполняя бистро светом, теплом и гостеприимством.

И даже в претензиях Габри к старшему инспектору всегда присутствовали теплота, дружелюбие.

Гамаш постучал по конвертам пальцем и почти что ощутил эту доброту. Но почувствовал и еще кое-что – убежденность Габри.

«Оливье не делал этого». Габри повторял эти слова из письма в письмо, словно повторами можно было утвердить их истинность.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

Гамаш перестал постукивать пальцем по бумаге, посмотрел в окно, потом вытащил сотовый и позвонил.

Позавтракав, он поднялся по крутой скользкой улице, повернул налево и направился в Литературно-историческое общество. Время от времени он отступал в снежный сугроб, чтобы пропустить спешащие семейства. Ребятишки, тепло одетые, укутанные словно в коконы, защищенные от жгучего холода квебекской зимы, направлялись в Ледяной дворец снеговика Бонома, или на ледяную горку, или в *cabane à sucre*¹⁵ с его сладким кленовым сиропом, затвердевающим на снегу до состояния ириски. Вечера карнавала предназначались для студентов университета, которые выпивали и веселились, а дни были для детей.

И снова Гамаш подивился красоте Старого города с его узкими петляющими улицами, каменными зданиями, металлическими крышами под шапками снега и льда. Он словно оказался в средневековом европейском городе. Но Квебек-Сити представлял собой нечто большее, чем привлекательный анахронизм или милый тематический парк. Это был живой, яркий рай, приветливый город, который не раз переходил из рук в руки, но сохранил свое сердце. Теперь снег пошел сильнее, но ветра не было. Город, всегда привлекательный, зимой казался еще волшебнее со всем этим снегом, огнями, конными *calèche*¹⁶, людьми, тепло укутанными от холода.

На вершине улицы Гамаш остановился, чтобы перевести дыхание. Дыхание, которое с каждым днем становилось все легче по мере того, как к старшему инспектору возвращалось здоровье благодаря долгим спокойным прогулкам с Рейн-Мари, Эмилем или Анри. А иногда в одиночестве.

Впрочем, в эти дни он никогда не оставался один. А он стремился к этому – к благословенному одиночеству.

Avec le temps, говорил Эмиль. Со временем. И возможно, он был прав. Силы возвращались к Гамашу. Так почему бы не вернуться и здравомыслию?

¹⁵ Сахарный домик (фр.).

¹⁶ Колясками (фр.).

Возобновив движение, он заметил, что впереди что-то происходит. Увидел полицейские машины. Наверняка возникла какая-нибудь потасовка с участием не проспавшихся после вчерашних возлияний студентов, которые приехали в Квебек, чтобы познакомиться с официальным напитком Зимнего карнавала под названием «карибу» – почти смертельная смесь портвейна и спирта. Доказать этого Гамаш не мог, но он не сомневался, что именно из-за «карибу» он стал терять волосы, когда ему перевалило за двадцать.

Приблизившись к зданию Литературно-исторического общества, он увидел еще больше полицейских машин и выставленный кордон.

Старший инспектор остановился. Анри тоже остановился и сел рядом с ним, глядя на происходящее.

На этой боковой улочке было спокойнее, люди встречались реже, чем на главных улицах. В каких-то двадцати футах от себя Гамаш видел поток людей, не обращающих внимания на то, что происходит здесь.

У основания лестницы, ведущей в старую библиотеку, стояли полицейские. Другие полицейские толклись тут же. У тротуара были припаркованы грузовичок телефонной станции и «скорая помощь». Но никаких мигающих проблесковых маячков, никакого ощущения экстренной ситуации.

Это могло означать одно из двух. Либо это ложная тревога, либо нет, но нужда в срочных действиях уже отпала.

Для Гамаша выбор был ясен. Несколько полицейских у «скорой» смеялись и подталкивали друг друга. Старший инспектор рассвирепел при виде этого веселья – он в своей команде никогда не допускал такого на месте преступления. В жизни было место для смеха, но не вблизи недавней насильственной смерти. А то, что здесь имела место смерть, Гамаш не сомневался. И дело было не только в его инстинкте – он видел перед собой множество свидетельств, подтолкнувших его к этому выводу. Количество полицейских, неторопливость, присутствие «скорой».

Причем смерть была насильственной. Об этом ему сообщил кордон полицейских.

– Проходите, месье, – сказал, подойдя к нему, один из полицейских, молодой и наглова-тый. – Тут не на что смотреть.

– Я хотел зайти туда, – объяснил Гамаш. – Вы не знаете, что случилось?

Молодой полицейский повернулся к нему спиной и пошел прочь, но это не смутило Гамаша. Он остался стоять, глядя на полицейских, которые переговаривались внутри кордона. А он и Анри стояли снаружи.

По каменным ступенькам спустился человек, сказал несколько слов одному из полицейских в кордоне, потом прошел к машине без полицейских опознавательных знаков. Помедлив, он огляделся и начал было садиться в машину. Но не сел. Он замер, медленно выпрямился и уставился на Гамаша. Смотрел на него секунд десять, если не больше, – не ахти какое время, если ешь шоколадное пирожное, но когда смотришь на незнакомого человека – немалое. Он тихо захлопнул дверь машины, пошел к полицейской ленте, перешагнул через нее. Увидев это, молодой полицейский оставил своих товарищей и поспешил к нему, зашагал в ногу с полицейским в гражданской одежде.

– Я уже говорил ему, чтобы он не задерживался.

– Говорил?

– Oui. Хотите, чтобы я потребовал?

– Нет, я хочу, чтобы ты шел со мной.

На глазах остальных двое полицейских пересекли заснеженную улицу и подошли к Гамашу. Последовала пауза – три человека вглядывались друг в друга.

Потом полицейский в штатском сделал шаг назад и отдал честь. Молодой полицейский удивленно смотрел на человека в куртке, вязаной шапочке, с шарфом на шее и немецкой овчар-

кой у ноги. Он взглянул внимательнее на аккуратную седеющую бородку, заглянул в задумчивые карие глаза, увидел шрам.

Побледнев, он сделал шаг назад и тоже отдал честь.

– Chef, – сказал он.

Старший инспектор Гамаш в свою очередь поприветствовал их и махнул рукой, предлагая отказаться от формальностей. Эти люди даже не были в его подчинении. Он входил в полицейское управление провинции, а эти принадлежали к муниципальной полиции. Но он узнал полицейского в штатском по конференциям, на которых они встречались.

– Я не знал, что вы в Квебеке, сэр, – растерянно сказал старший полицейский.

Почему глава отделения по расследованию убийств полицейского управления всей провинции оказался рядом с местом преступления?

– Вы – инспектор Ланглуа, верно? Я здесь в отпуске, как вам, наверное, известно.

Оба местных полицейских коротко кивнули. Об этом знали все.

– Я в гостях у приятеля, хожу в библиотеку как частное лицо. А что тут случилось?

– Сегодня утром ремонтник с телефонной станции обнаружил здесь тело. В подвале.

– Убийство?

– Нет никаких сомнений. Его пытались зарыть, но, когда человек с телефонной станции начал копать, чтобы найти порванный кабель, там обнаружилось тело.

Гамаш посмотрел на здание. Сотни лет назад в нем размещались суд и тюрьма. Здесь казнили преступников, вешали в окне над главным входом. Это место в прежние времена знавало насильственную смерть и людей, которые несли ее по обе стороны закона. И вот теперь там снова произошла насильственная смерть.

Тут входная дверь открылась, и кто-то вышел наружу. Трудно было разобрать на таком расстоянии, к тому же человек был в зимней одежде, но Гамашу показалось, что он узнал одну из библиотечных волонтеров, пожилую женщину. Она посмотрела в их сторону и остановилась на верхней ступеньке лестницы.

– Коронер только что приехал, но уже сейчас можно сказать, что убитый находился в подвале недолго. Может быть, несколько часов, но никак не дней.

– Еще не начал смердеть, – отметил молодой полицейский. – А то меня от них чуть не рвет.

Гамаш вздохнул, его дыхание облачком вырвалось изо рта. Но он ничего не сказал. Этот полицейский не был его подчиненным, чтобы учить его отношению к недавно умершим, уважению, которое требуется проявлять в их присутствии. Учить сочувствию, необходимому для того, чтобы увидеть в убитом человека. И не только в убитом, но и в убийце. Убийцу ловят не цинизмом и не сарказмом, не черным юмором и не грубыми замечаниями. Его ловят, наблюдая, думая и чувствуя. Грубые замечания не расчищают дорогу, не облегчают интерпретацию улики. Напротив, они затевают истину страхом.

Но перед старшим инспектором был не его ученик, да и дело не имело к нему отношения.

Отведя глаза от молодого человека, он увидел, что женщина исчезла. Поскольку времени уйти куда-либо у нее не было, Гамаш решил, что она вошла внутрь.

Странно: одеться для улицы, а в конечном счете остаться в тепле.

Но он снова напомнил себе, что это не его дело.

– Хотите войти, сэр? – спросил инспектор Ланглуа.

Гамаш улыбнулся:

– А я как раз напоминал себе, что это не мое дело, инспектор. Спасибо за предложение, но я воздержусь.

Ланглуа бросил взгляд на молодого полицейского, взял Гамаша под локоть и отвел в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Я попросил вас об этом не из вежливости. Мой английский не очень хорош. Он не так уж плох, но вы бы послушали, как говорит по-французски старший библиотекарь. По крайней мере, мне кажется, что это французский. Она и сама явно так думает. Но я ни слова не могу понять. Когда я ее допрашивал, она говорила по-французски, а я – по-английски. Это было похоже на мультик. Она, наверное, решила, что я идиот. Все, что мне оставалось, – это только улыбаться и кивать, и еще я, кажется, спросил у нее, не из низших ли она слоев.

– Зачем же вы это спросили?

– Я не хотел это спрашивать. Я хотел узнать, спускается ли она в подвал, но у меня не получилось. – Он печально улыбнулся. – По-моему, при расследовании убийства очень важна полная ясность.

– Вы, вероятно, правы. Что она ответила на ваш вопрос?

– Она очень расстроилась и сказала, что ночь – клубничка.

– Господи боже.

Ланглуа разочарованно вздохнул:

– Не войдете со мной? Я знаю, вы говорите по-английски. Слышал ваши выступления на конференциях.

– Но откуда вы знаете, что и я не корежу язык? Может, ночь и есть клубничка.

– У нас есть другие полицейские, которые знают английский лучше меня, и я собирался привезти кого-нибудь из них, но тут увидел вас. Мы могли бы воспользоваться вашей помощью.

Гамаш сомневался. Он чувствовал дрожь в руках, которую, к счастью, скрывали рукавицы.

– Спасибо за приглашение. – Он встретился взглядом с инспектором. – Но я не могу.

Последовало молчание. Инспектор, ничуть не огорченный, кивнул:

– Не нужно было мне просить. Мои извинения.

– Да не за что извиняться. Я признателен вам за приглашение. Merci.

Незаметно для них обоих за ними следили из окна второго этажа. Окно было вставлено сто лет назад вместо двери, которая выходила на мостки, а те вели к смерти через повешение.

Элизабет Макуиртер, все еще обмотанная шарфом, но оставившая пальто в гардеробе при входе, смотрела на двух мужчин. Немного ранее она выглянула из окна, чтобы не видеть это чуждое действо, творившееся в библиотеке. Она искала успокоения, душевного мира в неизменной картинке, открывающейся из окна. Перед ее глазами были пресвитерианская церковь Святого Андрея, резиденция священника, знакомые наклонные крыши города. Снежок неторопливо падал на них, словно в мире не было никаких забот.

Из окна она увидела человека с собакой – он стоял перед кордоном, наблюдал. Она знала, что вот уже неделю он каждый день приходит в библиотеку и сидит тихонько со своей овчаркой. Читает. Иногда пишет. Иногда спрашивает Уинни про книги, которые сто лет, а то и больше никем не открывались.

– Он ищет материал по битве на Полях Авраама, – доложила Уинни Портеру, когда они стояли на антресолях над библиотекой. – В особенности его интересует переписка Джеймса Кука и Луи-Антуана де Бугенвиля.

– Почему? – прошептал Портер.

– Откуда мне знать? – сказала Уинни. – Эти книги такие старые, что, скорее всего, их никто не каталогизировал. Их даже отложили для следующей распродажи. Но потом это отметили.

Портер посмотрел на крупного спокойного человека, сидящего на кожаном диване внизу.

Элизабет была абсолютно уверена, что Портер не узнал его. Она не сомневалась, что и Уинни его не узнала. В отличие от нее.

А теперь, глядя, как местный полицейский инспектор пожимает ему руку и уходит, она снова взглянула на крупного человека и вспомнила, когда в последний раз видела его на улице.

Вместе с остальной провинцией, а вернее, со всей страной она смотрела Си-би-си. Как она узнала позднее, об этом была передача даже на Си-эн-эн, которая вещала на весь мир.

Тогда-то Элизабет и видела его. В форме, без бороды, с синяками на лице, в фуражке, не полностью закрывающей уродливые шрамы. Парадный мундир на нем был теплый, но наверняка не настолько, чтобы защитить его в холод. Он медленно, чуть прихрамывая, шел во главе длинной скорбной колонны мужчин и женщин в форме. Почти нескончаемый кортеж полицейских из Квебека, из Канады, из Штатов, Англии, Франции. А во главе – их начальник. Человек, который вел их, но не последовал за ними до конца. В смерть. Чуть-чуть не успел.

И эта фотография, что появилась на первых газетных полосах, на обложках многих журналов, от «Пари матч» до «Маклинс», «Ньюсуик» и «Пипл».

Фотография старшего инспектора: глаза на мгновение закрыты, голова чуть приподнята, на лице гримаса – миг страшной внутренней муки, ставший достоянием публики. Это было почти невыносимо.

Элизабет никому не сказала, кто он, этот тихий человек, приходивший читать в их библиотеку, но сейчас это должно было измениться. Снова надев пальто, она осторожно спустилась по обледеневшим ступенькам и поспешила по улице следом за ним. Он шел по рю Сент-Анн, рядом с ним трусила собака на поводке.

– Pardon, – окликнула его Элизабет. – Excusez-moi¹⁷.

Гамаш, уже успевший уйти на некоторое расстояние, шел, обходя счастливых туристов и загулявших жителей города. Он свернул налево на рю Сент-Урсюль. Элизабет ускорила шаг. Свернув за угол, она увидела его в полуквартале впереди.

– Bonjour! – крикнула она и помахала ему рукой, но он шел спиной к ней, а если и слышал оклик, то, вероятно, подумал, что это обращено к кому-то другому.

Он приближался к рю Сен-Луи и толпе, направляющейся в Ледяной дворец. Она почти наверняка потеряет его в этой толчее.

– Старший инспектор!

Это прозвучало даже тише, чем все предыдущие слова, но крупный человек сразу застыл на месте. Он стоял спиной к Элизабет, и она отметила, что некоторые недоброжелательно поглядывают на него, вынужденные обходить его по узкому тротуару.

Старший инспектор повернулся. Она боялась, что он будет раздражен, но у него был добродушный, недоумевающий вид. Он быстро пробежал взглядом по лицам и остановился на ней, стоящей в полуквартале от него. Он улыбнулся, и они двинулись навстречу друг другу.

– Désolé¹⁸, – сказала Элизабет, протягивая ему руку. – Извините, что побеспокоила.

– Не стоит извинений.

Наступило неловкое молчание. Гамаш никак не прокомментировал тот факт, что она знает его. Это было слишком очевидно, а он, как и она, не хотел тратить время на очевидное.

– Я знаю, вы работаете в библиотеке, верно? – сказал он. – Чем могу быть полезен?

Они стояли на людном углу рю Сен-Луи и рю Сент-Урсюль. Люди с трудом протискивались мимо них. Чтобы закупорить узкую артерию, многого и не требовалось.

Элизабет все не решалась. Гамаш огляделся и махнул рукой в сторону, противоположную потоку людей, идущих по улице:

– Хотите кофе? Я подозреваю, что вам бы не помешало что-нибудь.

Она улыбнулась впервые за этот день и вздохнула:

¹⁷ Прошу прощения (фр.).

¹⁸ Сожалею (фр.).

– Oui, s'il vous plaît¹⁹.

Пройдя сквозь толпу на квартал вниз по склону, они остановились перед самым маленьким зданием на улице. Оно было побелено, крыша сверкала красным металлом, а наверху красовалась вывеска «Aux Anciens Canadiens»²⁰.

– Вообще-то, тут бывает полно туристов, но в такое время дня довольно тихо, – сказал Гамаш по-английски, открывая дверь.

Они оказались в довольно обычной для Квебека ситуации, когда из вежливости француз говорит по-английски, а англичанин – по-французски. Они вошли в темный уютный ресторанчик, самый старый в провинции, с низкими потолками, каменными стенами и сохранившимися потолочными балками.

Когда они сели и официант принял у них заказ, Гамаш спросил:

– Может быть, нам выбрать и язык?

Элизабет рассмеялась и кивнула.

– Как насчет английского? – спросил он.

Она еще никогда не видела старшего инспектора так близко. Ему было лет пятьдесят пять – об этом она знала из сообщений. Он был широкоплеч, хорошо сложен, но больше всего ее привлекли его глаза, темно-карие и спокойные.

Элизабет не ожидала этого. Думала, что у него проницательные, холодные, аналитические глаза, которые повидали много страшного, а потому смотрят жестко. Но они оказались задумчивыми, добрыми.

Официант принес Элизабет капучино, а Гамашу – эспresso. Припозднившиеся с завтраком клиенты уже уходили, и в уголке, где они сели, было тихо.

– Вы, конечно, знаете, что случилось сегодня утром? – спросила Элизабет.

Кофе был ароматный, великолепный. Она нечасто тратилась на хороший кофе, но этот был угощением.

– Инспектор Ланглуа сказал мне, что в подвале Литературно-исторического общества обнаружено тело. – Говоря это, Гамаш смотрел на Элизабет. – Смерть была насильственной.

Она была благодарна ему за то, что он не сказал «убийство». Слишком уж это страшное слово. Она опробовала его в безопасности собственных мыслей, но пока еще не могла вынести на публику.

– Когда мы пришли сегодня утром, телефоны не работали, и тогда Портер позвонил в «Белл Кэнада» и вызвал мастера.

– И мастер быстро приехал, – сказал Гамаш.

– Они нас знают. Здание у нас старое, нуждается в ремонте. Телефоны часто отключаются – либо замыкание, либо мыши перегрызают провода. Но нынешний случай нас удивил, потому что мы недавно меняли всю проводку.

– Когда вы появились в библиотеке?

– В девять. Приходим пораньше, чтобы иметь час на рассортировку книг и всякие другие дела до открытия библиотеки. Как вы знаете, мы открываемся каждое утро в десять.

Гамаш улыбнулся:

– Я знаю. У вас замечательная библиотека.

– Мы ею очень гордимся.

– Значит, вы появились в девять и сразу же позвонили в «Белл».

– И двадцати минут не прошло, как приехал мастер. У него ушло полчаса на то, чтобы выяснить, в чем дело. Он решил, что в подвале разрыв провода. Мы все подумали, что это опять мыши.

¹⁹ Да, пожалуйста (*фр.*).

²⁰ «У старого канадца» (*фр.*).

Она помолчала.

– И когда вы поняли, что это не мыши? – спросил Гамаш, понимая, что ей сейчас нужна помощь, чтобы закончить эту историю.

– Мы его услышали – мастера. Он громыхал ботинками по лестнице. Человек он не маленький, и нам показалось, что на нас скачет табун. Он прибежал в кабинет и несколько секунд просто молча смотрел. Потом сказал нам, что в подвале мертвец. Он его откопал, бедняга. Думаю, он не сразу в себя пришел.

Гамаш согласился. Некоторые отходят быстро, а другие после такого события переживают всю оставшуюся жизнь.

– Вы говорите, он его откопал. Значит, в подвале пол не забетонирован?

– Нет. Камеры помещались этажом выше, а это был самый нижний уровень. Дому не одна сотня лет. Раньше там в холодильнике держали продукты. Когда мастер сказал, что нашел тело, я подумала, что речь идет о скелете. Их все время находят в Квебек-Сити. Может быть, это был казненный преступник. Мы с Уинни пошли посмотреть. Но нам туда и спускаться не пришлось – через дверь увидели, что никакой это не скелет. Человек умер недавно.

– Наверно, для вас это было потрясением.

– Да. Я и прежде видела покойников – в больнице, на похоронах. У меня подруга умерла во сне, и я ее обнаружила, когда зашла за ней – хотела вместе с ней пойти на партию в бридж. Но то другое дело.

Гамаш кивнул. Он понимал. Есть места, где, увидев покойника, не удивляешься, а есть места, где их не должно быть.

– Что вам сказал инспектор? – спросила Элизабет.

Она поняла, что с этим человеком нужно говорить откровенно и не бояться задавать вопросы.

– К сожалению, я ничего такого у него не спрашивал. Но он подтвердил, что это насильственная смерть.

Элизабет опустила глаза на свою опустевшую чашку – она выпила кофе, даже не заметив этого. Редкое угощение пропало даром, остался только клочок пенки. У нее возникло искушение подобрать его пальцем, но она взяла себя в руки.

Принесли счет, и теперь он лежал на столе. Пора было уходить. Старший инспектор подвинул счет к себе, но больше не сделал никаких движений. Он продолжал смотреть на Элизабет. Ждал.

– Я пошла за вами, чтобы попросить об услуге.

– Oui, madame?

– Нам нужна ваша помощь. Вы знаете библиотеку. Мне кажется, она вам нравится.

Гамаш кивнул.

– Вы, безусловно, знаете английский. И не только язык. Я опасаясь того, чем это может кончиться для нас. Мы – маленькая община, и Литературно-историческое общество слишком важно для нас.

– Я понимаю. Но вы в хороших руках инспектора Ланглуа. Он будет относиться к вам уважительно.

Элизабет взглянула на него, потом наклонила голову:

– Не могли бы вы зайти и посмотреть, может быть, задать какие-то вопросы? Вы и представить себе не можете, какая это для нас катастрофа. Для жертвы, конечно, в первую очередь, но и для нас тоже. – Она поспешила продолжить, прежде чем он откажется. – Я понимаю, что для вас это лишняя головная боль. Правда понимаю.

Гамаш знал, что она говорит искренне, но сомневался, что она понимает. Он посмотрел на свои руки, лежащие на столешнице. Он молчал, и в этом молчании, как и всегда, был слышен тот молодой голос. Теперь знакомый ему не меньше голосов его собственных детей.

«А на Рождество мы идем в гости к родителям Сюзанны и моим. К ее родителям мы ходим на рождественский ужин, а к моим – на мессу в утро Рождества». Голос говорил и говорил о повседневных, тривиальных мелочах, из которых состоит жизнь обычного человека. Этот голос не только звучал у него в ушах – он жил в его голове, в его мозгу. Он всегда был там. Говорил. Говорил бесконечно.

– Извините, мадам, но я не смогу вам помочь.

Он посмотрел на пожилую женщину, сидящую напротив. Предположительно лет семьдесят пять. Худенькая, хорошо сложенная. Косметики почти никакой – лишь немного вокруг глаз да губная помада. Если умеренность давала положительный результат, то перед Гамашем был яркий пример этого. Она представляла собой образ интеллигентной бережливости. Костюм далеко не последнего фасона, но классический, такие всегда в моде.

Она назвала себя – Элизабет Макуиртер, и даже Гамашу, чужому в Квебек-Сити, было знакомо это имя. Судостроительные верфи Макуиртера. Целлюлозно-бумажный комбинат Макуиртера на севере провинции.

– Пожалуйста, нам нужна ваша помощь.

Гамаш видел, как нелегко ей обращаться к нему с просьбой, потому что она понимала, в какое положение ставит его. И все же она делала это. Он не вполне осознавал, насколько отчаянна ситуация, в которой она оказалась. Ее пронизательные голубые глаза ни на миг не отрывались от него.

– Désolé, – мягко, но решительно сказал он. – Мне неприятно вам отказывать. И если бы в моих силах было помочь, я бы сделал это. Но...

Он не закончил. Он даже не знал, что собирался сказать после этого «но».

Элизабет улыбнулась:

– Извините, старший инспектор. Не стоило к вам обращаться. Простите меня. Боюсь, что мои собственные неприятности ослепили меня. Я уверена, что вы правы и инспектор Ланглуа хорошо сделает свое дело.

– Я понимаю, что ночь – клубничка, – сказал Гамаш с легкой улыбкой.

– А, так вы об этом уже слышали? – Элизабет улыбнулась в ответ. – Бедняжка Уинни. У нее нет слуха к языкам. Она читает по-французски без всяких проблем. В школе всегда получала самые высокие отметки, но говорить так и не научилась. От ее произношения поезд может остановиться.

– Наверно, инспектор Ланглуа сбил ее с толку, поинтересовавшись ее происхождением.

– Да, это мало способствовало взаимопониманию, – признала Элизабет.

Ее веселость как рукой сняло, на лице снова появилось озабоченное выражение.

– Вам нечего волноваться, – заверил ее Гамаш.

– Но вы ведь не знаете всего. Не знаете, кто этот мертвец.

Она понизила голос и заговорила шепотом. Совсем как Рейн-Мари, когда та читала внучкам сказки. Таким голосом она говорила не за крестную фею, а за злую ведьму.

– И кто же это? – спросил Гамаш, тоже понизив голос.

– Огюстен Рено, – прошептала Элизабет.

Гамаш откинулся на спинку стула, широко раскрыв глаза. Огюстен Рено. Мертв. Убит в Литературно-историческом обществе. Теперь старший инспектор понимал отчаяние Элизабет Макуиртер.

И он знал, что у нее есть для этого основания.

Глава четвертая

Габри сидел в потертom кресле у ревушего в камине огня. Вокруг него в бистро, в котором теперь он играл первую скрипку, стоял знакомый гомон – время ланча. Люди смеялись, болтали. За несколькими столиками тихо читали субботний номер газеты или книгу. Кое-кто приходил на завтрак и засиживался до ланча, а то и до обеда.

Стоял неторопливый субботний день февраля, исход зимы, и бистро наполнилось разговорами и позвякиванием приборов о фарфор. Друзья Габри – Питер и Клара Морроу – были с ним, как и Мирна, владевшая книжной лавкой по соседству. К ним собиралась присоединиться Рут, а это обычно означало, что ее здесь не будет.

За окном раскинулась деревня Три Сосны, засыпанная снегом, который все продолжал идти. На метель это было мало похоже – ветер слабоват, но Габри удивился бы, если бы к концу снегопада выпало меньше фута. Он знал, что такова уж особенность квебекских зим. Они могут казаться мягкими, даже красивыми, но застают вас врасплох.

Крыши домов в деревне были белы, из труб курился дымок. Толстый слой снега лежал на ветвях хвойных деревьев и на трех великолепных соснах, стоящих, словно часовые, в дальнем конце деревенского луга. Машины перед домами превратились в сугробы и напоминали древние курганы.

– Я тебе говорю, что сделаю это, – сказала Мирна, прихлебывая горячий шоколад.

– А вот и не сделаешь, – рассмеялась Клара. – Ты каждую зиму это говоришь, но никогда не делаешь. И потом, все равно уже слишком поздно.

– Ты видела стоимость горящих путевок? Посмотри.

Мирна протянула подруге страничку из монреальской «Газетт» с рекламой турфирм и ткнула пальцем в одну из рамок.

Клара прочла, брови у нее взметнулись.

– Вообще-то, неплохо. Куба?

Мирна кивнула:

– Я могу там оказаться уже сегодня вечером, к обеду. Четырехзвездочный курорт. Все включено.

– Дай-ка взглянуть, – сказал Габри, наклоняясь к Кларе.

Клара каким-то образом умудрилась капнуть джемом на газету, хотя никакого джема поблизости не было. Они все знали, что это приватное чудо, творимое Кларой. Она могла из ничего творить великие произведения искусства и специи. Любопытно, что на ее портретах никогда не обнаруживалось капелек джема или крошек круассана.

Габри просмотрел страницу, откинулся на спинку кресла:

– Да ну, ничего интересного. В «Конде наст» объявления интереснее.

– «Конде наст» никогда не печатает фотографии обнаженных мужчин, облитых оливковым маслом и загорающих на пляже, – возразила Мирна.

– Вот за это я бы заплатил, – сказал Габри. – Все включено.

Каждую субботу они вели один и тот же разговор. Сравнивали цены и пляжи, выбирали карибские круизы, спорили, что лучше: Багамы или Барбадос, Сан-Мигель-де-Альенде или Кабо-Сан-Лукас. Экзотические места, далекие от падающего снега, бесконечного снега. Глубокого, хрустящего, ровного.

Но никто из них так никуда и не ездил. Какими бы привлекательными ни были цены. И Габри знал почему. Мирна, Клара, Питер знали почему. И эту теорию придумала не Рут.

– Вы все обленились – шаг лишнего не сделаете.

Ну не совсем чтобы так.

Габри пригубил кофе с молоком и посмотрел на пляшущее пламя, прислушиваясь к знакомому гомону знакомых голосов. Он оглядел быстро с его сохранившимися балками, полом из широких досок, сводчатыми окнами, разнородной удобной старой мебелью. И с тихой, уютной деревней за окнами.

Не было на свете места теплее Трех Сосен.

За окном он увидел машину, спускающуюся по рю Дю-Мулен, мимо новой гостиницы и спа-салона на холме, мимо англиканской церкви Святого Томаса за деревенским лугом. Двигалась машина медленно, оставляя следы покрышек в свежевыпавшем снегу. Она подъехала к старому кирпичному дому Джейн Нил и остановилась.

Машина была незнакомая. Будь Габри дворовой собачонкой, он бы залаял. Не предупредительно, не из страха, а от возбуждения.

Гости редко заглядывали в Три Сосны, разве что случайно попадали в крохотную деревню в долине, потому что заехали наобум слишком далеко. Заблудились. Потерялись.

Именно так Габри и его партнер Оливье оказались в Трех Соснах. Совершенно случайно. У них были другие, более грандиозные планы на жизнь, но стоило им увидеть эту деревню с ее коттеджами из плитняка, бревенчатыми домиками и кирпичными домами лоялистов²¹, с ее неувядающими клумбами роз, дельфиниумов и душистого горошка, с ее пекарней и гастрономом, как они решили здесь остаться. Вместо того чтобы покорять Нью-Йорк, или Бостон, или хотя бы Торонто, они обосновались в этом захолустье. И желания покинуть Три Сосны у них никогда не возникало.

Оливье открыл быстро, обставил его мебелью, найденной на распродажах неподалеку. Потом они купили постоянный двор, где прежде ночевали возницы почтовых карет, переоборудовали его в гостиницу, которая стала любимым детищем Габри.

Но теперь, когда Оливье не было, Габри хозяйствовал и в бистро. Держал его открытым для друзей. И для Оливье.

Габри увидел, как из машины вышел человек. Узнать его с такого расстояния было невозможно. На нем была теплая куртка, вязаная шапочка, шарф. Это вполне могла быть женщина. Да вообще кто угодно. Но Габри встал, и сердце его чуть не выпрыгнуло из груди.

– Что там? – спросил Питер.

Он снял одну длинную ногу с другой, и его высокое, стройное тело подалось вперед на диване. На красивом лице Питера появилось выражение любопытства. Он вздохнул с облегчением, когда прекратился этот разговор о путешествиях. Питер воспринимал такие вещи буквально и напрягался, когда Клара сообщала, что всего за пятнадцать тысяч долларов они могут даже взять каюту принцессы на «Куин Мэри-2». Это была ежедневная нагрузка на его сердце. Но теперь разговор закончился, и он усталился на Габри, который в свою очередь смотрел на незнакомца, очень медленно бредущего по снегу.

– Ничего, – сказал Габри.

Он никому не расскажет, что сейчас чувствует, какие мысли у него возникают при каждом телефонном звонке, при каждом стуке в дверь или появлении незнакомой машины.

Габри взглянул на кофейный столик, на котором стояла выпивка, вазочка с шоколадным печеньем и лежал лист плотной писчей бумаги с незаконченным посланием. Тем самым, что он писал и отправлял каждый день вместе с лакричной трубочкой.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?» – написал он. А потом добавил: «Оливье не делал этого». Он отправит его сегодня днем, а завтра напишет еще одно письмо старшему инспектору Гамашу.

²¹ *Лоялисты* – жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

Человек медленно, еле передвигая ноги, шел в сторону бистро, появившись из густого снегопада. Он прошел всего двадцать ярдов от машины, а снег уже собрался на шапочке, на шарфе, на тонких плечах. У Оливье были тонкие плечи.

Снеговик добрался до бистро и открыл дверь. В бистро ворвался морозный воздух, и люди повернули головы к двери, а потом снова возвратились к своей трапезе, своим разговорам и жизням. Человек медленно разоблачился. Снял шарф, ботинки, отряхнул куртку – снег падал на деревянный пол и таял. Человек надел тапочки для посетителей, лежащие в корзине у двери.

Сердце Габри стучало. За его спиной Мирна и Клара продолжали обсуждать, стоит ли за несколько тысяч перемещаться в самые престижные каюты «Куин Мэри».

Он знал, что это не может быть Оливье. Никак не может. Но все же... а вдруг Гамаша убедили все полученные им письма Габри и он выпустил Оливье? Может быть, это было горячее решение – вроде горячей путевки, – освобождение в последнюю минуту, и Оливье отправился не в тюрьму, а домой.

Габри шагнул вперед, не в силах более сдерживаться.

– Габри? – окликнул его Питер, вставая.

Габри прошел полпути по бистро.

Человек стянул с себя шапочку и повернулся лицом к залу. Разговоры медленно смолкали, по мере того как происходило узнавание.

Это был не Оливье. Это был один из тех, кто увез его, арестовал, посадил в тюрьму за убийство.

Инспектор Жан Ги Бовуар оглядел зал и неуверенно улыбнулся.

Утром, когда ему позвонил старший инспектор, Бовуар у себя в подвале мастерил книжный шкаф. Сам он не любил читать, зато его жена Энид много читала, вот он и делал шкаф для нее. Она была наверху, пела. Негромко и фальшиво. Он слышал, как она моет посуду после завтрака.

– Эй, у тебя там все в порядке? – крикнула Энид.

Ему хотелось ответить, что не все. Он умирал от скуки. Он ненавидел работать по дереву, ненавидел эти треклятые кроссворды, с которыми она приставала к нему. Ненавидел книги, которые она ставила стопками рядом с диваном, ненавидел подушки и одеяла в ее руках, преследовавшие его повсюду, – он что, инвалид какой-нибудь? Он ненавидел то, что обязан ей многим. Ненавидел то, что она его любит.

– Все в порядке, – откликнулся он.

– Если тебе что надо – скажи.

– Скажу.

Бовуар подошел к верстаку, остановился передохнуть у стола. Он уже сделал сегодня свою зарядку. Раньше он занимался этим нерегулярно, но доктор сказал ему, что чем больше он будет делать зарядку, тем скорее избавится от навязчивых забот Энид.

Доктор выразился иначе, но Бовуар услышал его именно так, и эти слова мотивировали его. Утром, в полдень и вечером делал он зарядку, чтобы вернуть себе силы. Они возвращались медленно. Он понимал, когда перебарщивает. Но иногда чувствовал, что оно того стоит. Он предпочтет умереть при попытке к бегству, чем задержится в таком состоянии.

– Печеньице? – пропела Энид.

– Что, Кексик? – ответил он.

Это была их маленькая шутка. Он услышал ее смех и подумал, больно ли будет, если отпилить себе руку ножовкой. Только не правую, в которой он держит пистолет. Эта еще может ему понадобиться.

– Да нет, я спрашиваю, ты не хочешь печенья? Я собираюсь испечь.

– Здрóрово. Mercí.

Бовуар никогда особо не хотел стать отцом, но теперь ему отчаянно хотелось детей. Может быть, тогда Энид перенесет свою любовь на них. Дети спасут его. Внезапно он подумал, как это будет вредно для них – оказаться под прессом ее безоговорочной, постоянной, неумолимой любви, но что поделаешь, *sauve qui peut*²².

Тут зазвонил телефон.

И сердце у него остановилось. Он думал, надеялся, что со временем перестанет так реагировать. Неудобно было иметь сердце, которое останавливалось каждый раз, когда звонил телефон. В особенности раздражало, когда кто-то ошибался номером. Но это не проходило, даже вроде как ухудшалось. Энид поспешила к телефону, и Бовуар понимал: она бежит, потому что знает, как сильно этот звук выбивает его из колеи.

И он ненавидел себя за то, что ненавидит ее.

– *Ouï, allô?* – услышал он ее голос, и память немедленно вернула Бовуара назад, в тот день.

«Убийство».

Секретарь шефа ответила на звонок телефона в их офис, который представлял собой большое открытое пространство, занимающее целый этаж в управлении Квебекской полиции в Монреале. Но там все же было несколько выгородок. В том числе уединенное помещение для заседаний с любимыми фломастерами Бовуара, длинными листами бумаги на стенах, доской для записей и пробковой доской для объявлений. Все аккуратно, все на своих местах.

Бовуар был вторым по старшинству после шефа, а потому имел свой кабинет.

А у шефа был большой кабинет в углу, с видом на Монреаль из окна. Оттуда Арман Гамаш руководил операциями по всей провинции, расследовал убийства на территории, протянувшейся от озера Онтарио до Атлантического океана, от границы со штатами Вермонт и Нью-Йорк до полярного круга. У них были сотни агентов и следователей в отделениях по всей провинции, а также специальные бригады, которые выезжали в районы, где не было своего отдела по расследованию убийств.

И все эту работу координировал старший инспектор Гамаш.

Бовуар сидел в кабинете Гамаша, и они обсуждали особо отвратительный случай в Гаспé, когда зазвонил телефон. Трубку сняла секретарь Гамаша. Инспектор Бовуар как раз в этот момент посмотрел на часы, висящие на стене. 11.18 утра.

«Убийство», – услышал он ее голос.

И с того момента мир изменился.

Тихий стук в дверь вывел Элизабет Макуиртер из забытья. Она разглядывала список членов, откладывая момент, когда нужно будет им звонить. Но она знала, что время звонить давно прошло. Она должна была начать звонить час назад. Уже поступали сообщения от членов английского сообщества, включая Си-би-си-радио и еженедельную английскую газету «Кроникл-телеграф». Она, Уинни и Портер пытались быть уклончивыми, но им удалось только придать всему еще бóльшую таинственность.

Репортеры уже ехали сюда.

И все же Элизабет откладывала звонки, до последнего цеплялась за все то, что хотя бы отдаленно напоминало нормальный ход вещей. Их тихую, протекающую без всяких событий жизнь, их добровольное решение стать хранителями пыльного и по меньшей мере болезненного прошлого, но прошлого, которое было для них драгоценно.

Стук в дверь повторился. Не громче, но с прежней настойчивостью. Неужели успели приехать журналисты? Но Элизабет подозревала, что они, как и полиция, не стучали бы тихонько, а ломились бы в дверь. Этот стук был просьбой, а не требованием.

²² Каждый за себя (*фр.*).

– Я открою, – сказала Уинни, прошла по большой комнате и поднялась на две ступеньки к двери.

Элизабет и Портер наблюдали за ней, сидя за своими столами перед большими венецианскими окнами. Уинни говорила с кем-то, кого они не видели. Разговора они тоже не слышали, но она вроде бы старалась что-то объяснить. Потом она попыталась закрыть дверь. Потом она прекратила эти попытки, распахнула дверь и повернулась к комнате.

– С вами хочет поговорить старший инспектор Гамаш, – сказала она Элизабет с легким удивлением.

– Кто? – спросил Портер, вскакивая из-за стола.

Теперь, когда пожилая женщина ответила на стук в дверь, он брал ответственность на себя.

За распахнутой дверью стоял Арман Гамаш. Он посмотрел на людей, одновременно оценивая обстановку. В кабинете был высокий потолок и огромные арочные окна, а деревянный пол находился на несколько ступенек ниже двери. Кабинет был отделан деревянными панелями и заставлен по стенам книжными шкафами, напоминая собой старинный спортивный зал в миниатюре, занятия в котором носили интеллектуальный, а не физический характер.

– Извините, что беспокою, – сказал он, проходя в комнату.

Он был без куртки, в кардигане верблюжьей шерсти, в рубашке и галстуке, в темно-синих брюках. У его ноги держалась немецкая овчарка по имени Анри.

Портер уставился на старшего инспектора. Уинни спустилась по лестнице. Элизабет встала из-за своего стола и подошла к Гамашу.

– Вы все же пришли, – сказала она, улыбаясь и протягивая руку.

Он взял ее ладонь в свою большую руку и задержал.

– Что вы имеете в виду? – спросил Портер. – Я не понимаю.

– Я просила старшего инспектора наблюдать за ходом расследования. Это старший инспектор Гамаш. – Элизабет ждала реакции. – Из Квебекской полиции.

– Я знаю, кто он такой, – солгал Портер. – Все время знал.

– Старший инспектор Гамаш, позвольте мне представить вам главу нашего совета директоров, – сказала Элизабет. – Портер Уилсон.

Уилсон и Гамаш обменялись рукопожатием.

– Но нам не нужна помощь. Мы прекрасно справимся сами, – выпалил Портер.

– Я знаю. Я только хотел убедиться. Вы были так добры, позволив мне пользоваться вашей библиотекой, и я подумал, что мог бы предложить вам за это собственный опыт.

– Но это даже не ваша юрисдикция, – проворчал Портер, поворачиваясь спиной к старшему инспектору. – Сепаратисты будут праздновать победу. Откуда мы знаем, что вы не один из них?

Элизабет Макуиртер готова была провалиться сквозь землю.

– Ради бога, Портер, месье Гамаш пришел, чтобы помочь нам. Я его сама пригласила.

– Мы поговорим об этом позднее.

– Не все сепаратисты желают вам зла, месье, – сказал Гамаш дружелюбным, но твердым голосом. – Но вы правы: это не моя юрисдикция. На меня произвело впечатление, что вам это известно.

Элизабет не без удивления смотрела на Портера, который начал оттаивать.

– Вы явно следите за политикой, – добавил Гамаш.

Портер кивнул и расслабился еще больше. «Еще немного, – подумала Элизабет, – и он свернется калачиком у Гамаша на коленях».

– У Квебекской полиции нет юрисдикции в городе, – продолжал Гамаш. – Смерть месье Рено в юрисдикции местного отдела по расследованию убийств. Мне знаком инспектор Ланглюа, и он был настолько любезен, что просил меня присоединиться к ним. Немного поразмыс-

лив, – он взглянул на Элизабет, – я решил, что могу посмотреть, как у вас обстоят дела. – Он повернулся к Портеру: – Конечно, с вашего разрешения, сэр.

Портер Уилсон был почти в экстазе. Уинни и Элизабет переглянулись. Если бы они только понимали, что все может быть так просто! Но тут лицо Портера снова помрачнело – он опять погрузился в насущные заботы.

Возможно, участие Гамаша и не к лучшему. Еще вчера здесь не было никакой полиции, а теперь тут будут два полицейских подразделения.

Не говоря уже о трупе.

– Могу я оставить Анри с вами, пока буду осматривать подвал?

– Конечно, – сказала Уинни и взяла поводок.

Гамаш оставил ей немного печенья для Анри, потрепал пса, приказал, чтобы он вел себя хорошо, и вышел.

– Не нравится мне это дело, – услышал он голос Портера, едва закрыв дверь.

Гамаш подумал, что эти слова предназначались для его ушей. Но и ему это дело тоже не нравилось.

В коридоре его ждал полицейский в форме, и они вместе прошли по лабиринту коридоров и лестниц. Гамаш должен был признать, что совершенно здесь запутался, и он подозревал, что сопровождавший его полицейский запутался тоже. На покрытых линолеумом полах стояли коробки, заполненные книгами и бумагами; замысловатые лестницы вели в грязные туалетные комнаты и заброшенные кабинеты. Они подошли к двум громадным деревянным дверям и, открыв их, оказались во впечатляющем бальном зале с высоченными потолками, по которому прошли еще в один точно такой же впечатляющий зал. Оба были пусты, если не считать нескольких приставных лестниц и вездесущих коробок с книгами. Гамаш открыл одну коробку. Книжки и книги, в кожаных переплетах. Он знал, что если возьмет одну из них, то погрязнет в ней навсегда, поэтому не стал ничего брать и последовал в следующий коридор за полицейским, который злился все больше.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал полицейский. – Такие прекрасные помещения – и все коту под хвост. Несправедливо это. Зачем им такое великолепное здание? Не лучше ли использовать его для чего-нибудь более достойного?

– Например?

– Ну не знаю. Но есть же что-то такое, для чего кто-нибудь мог бы его использовать.

– Его кто-то и использует.

– Les Anglais.

Гамаш остановился:

– Excusez-moi?

– Les têtes carré, – пояснил молодой полицейский.

Квадратноголовые²³.

– Вы должны относиться к этим людям с уважением, – сказал Гамаш. – Они не более квадратноголовые, чем мы с вами лягушатники. – Голос его прозвучал резко, жестко.

Полицейский напрягся:

– Я никого не хотел обидеть.

– Так ли? – Гамаш посмотрел на молодого человека, который уставился на него. Наконец Гамаш слегка улыбнулся. – Вы не раскроете преступления, оскорбляя этих людей или насмехаясь над ними. Не будьте слепым.

– Да, сэр.

Они пошли дальше по незнакомым коридорам, мимо великолепных залов, мимо мрачных комнат – все они были пусты. Словно Литературно-историческое общество ушло в глухую

²³ Обидное прозвище англичан среди канадцев.

оборону, перегруппировалось, отступило в помещения великолепной библиотеки, где за их действиями наблюдал генерал Вольф.

– Сюда, сэр. Кажется, я нашел.

Они спустились по лестнице и увидели еще одного полицейского в форме, который скучал у люка. Увидев старшего инспектора, он подтянулся. Гамаш кивнул и увидел, как его молодой проводник стал спускаться по металлической лестнице.

Гамаш не был готов к этому.

Оказавшись внизу, полицейский поднял голову вверх в ожидании. Выражение его лица менялось от нетерпеливого к вопросительному. Что там задерживает старшего инспектора? Потом он вспомнил. Поднялся на несколько ступенек и вытянул вверх руку.

– Все в порядке, сэр, – спокойно сказал он. – Я не дам вам упасть.

Гамаш посмотрел на его руку:

– Я вам верю.

Он осторожно спустился на несколько ступенек и ухватился за сильную руку молодого полицейского.

Жан Ги Бовуар сидел у огня, перед ним стояло пиво, на тарелке лежал сэндвич со стейком. К нему присоединились Питер и Клара. Мирна и Габри сидели на диване лицом к огню.

Бовуар приехал в Три Сосны в первый раз после того дня, когда они арестовали Оливье Брюле за убийство Отшельника, то есть Якоба. Он посмотрел в огромный зев камина, где бушевал огонь, и вспомнил, как нашел внутри незакрепленные кирпичи, засунул руку по плечо в выемку и пошарил там. Опасаясь того, что он может нащупать и что может нащупать его. А вдруг там крысиное гнездо? Мыши? Пауки? Или змеи?

Хотя он и провозглашал себя образцом рациональности, на самом деле у него было живое непослушное воображение. Его рука нащупала что-то мягкое и шероховатое на ощупь. Он напрягся, замер. Сердце его колотилось, воображение перехлестывало через край, и он буквально заставил себя вытащить руку, сомкнув пальцы на том, что там обнаружилось. Извлек находку.

Вокруг него сгруппировались члены команды, наблюдая. Старший инспектор Гамаш, агент Изабель Лакост и стажер агент Пол Морен.

Бовуар медленно вытащил находку из тайника в кладке камина. Это был небольшой полотняный мешок, перевязанный бечевой. Бовуар положил его на тот самый стол, где сейчас стояло его пиво и тарелка с сэндвичем. И снова полез в тайник, нашел там кое-что еще. Простой, изящный, прекрасный канделябр. Семисвечник. Старинный. Изготовленный несколько сотен, а то и тысяч лет назад, как сказал позднее эксперт.

Но эксперты сказали и кое-что другое, более определенное.

Древний семисвечник, освещавший столько домов, столько торжественных церемоний, бывший объектом почитания и молитвы, бережно сохраняемый столькими людьми, был использован как орудие убийства.

На нем были обнаружены кровь и волосы Отшельника, а также его отпечатки пальцев. А еще отпечатки пальцев другого человека.

Оливье.

А в мешке? Резьба по дереву, выполненная Отшельником. Изящное изображение молодого человека – он присел, прислушиваясь. Вещь была простая, мощная и красноречивая. Она говорила о мучительном одиночестве, желании, потребности. Это явно был образ Оливье, прислушивающегося. И эта работа сообщила им кое-что еще.

Скульптуры Якоба стоили сотни тысяч, а потом и миллионы долларов. Он отдавал их Оливье в обмен на еду и общество, а Оливье их продавал. Разбогател на миллионы.

Но этого ему оказалось недостаточно, Оливье хотелось большего. Ему хотелось заполучить ту вещь, которую Отшельник отказывался ему дать. Ту вещь, что была в мешке.

Последнее сокровище Якоба, его самое драгоценное владение.

И Оливье хотел заполучить эту вещь.

В приступе ярости и корысти он забрал жизнь Отшельника, потом забрал прекрасное и бесценное орудие убийства и мешок и спрятал их.

Спрятал в камине, на который Бовуар теперь и смотрел.

Обнаруженный мешок с деревянной скульптурой начал говорить. А сказать он мог только одно, и говорил это красноречиво, повторял снова и снова. Оливье убил создателя скульптуры.

Когда найденные в бистро резная скульптурка и орудие убийства добавились к уже имеющимся уликам, дальнейшее развитие событий не оставляло сомнений. Старший инспектор арестовал Оливье за убийство. Его судили и приговорили к десяти годам заключения. Деревня Три Сосны мучительно приняла эту страшную истину.

Приняли все, кроме Габри, который каждый день писал инспектору письма с одним и тем же вопросом: «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Как поживает старший инспектор? – спросила Мирна, чуть наклоняясь вперед своим мощным телом.

Она была крупная и чернокожая. Бывший психолог, ныне владелец книжной лавки.

– Он в порядке. Мы разговариваем каждый день.

Правду он им, конечно, не стал говорить. А правда состояла в том, что старший инспектор был далеко не в порядке. В отличие от него, Бовуара.

– Мы встречались с ним несколько раз, – сказала Клара.

Клара Морроу, которой было под пятьдесят, стояла на пороге великих для нее событий – ее выставка должна была произвести фурор в мире искусства. Выставка открывалась в Музее современного искусства в Монреале. В непослушных темных волосах Клары появились седые пряди, а вид у нее всегда был такой, будто она только что вышла из аэродинамической трубы.

Ее муж Питер был совсем другим. Если она была невысокой и начинала полнеть, то он отличался высоким ростом и стройностью. Одевался просто и безукоризненно, каждый седой волосок его шевелюры был аккуратно уложен.

– Мы несколько раз говорили с ним, – подтвердил Питер. – И я знаю, ты с ним на связи, – добавил он, повернувшись к Габри.

– Ну, если не давать человеку покоя называется «на связи», то да. – Габри рассмеялся и показал на свое недописанное письмо на столе, потом перевел взгляд на Бовуара. – Вас Гамаш прислал? Вы хотите заново открыть дело Оливье?

Бовуар покачал головой.

– Боюсь, что нет. Я приехал на несколько дней отдохнуть, – солгал он, глядя им в глаза.

«Если ты не возражаешь, Жан Ги, – сказал ему инспектор Гамаш сегодня утром. – Я бы и сам это сделал, но сомневаюсь, что от этого будет какая-то польза. Если была совершена ошибка, то вина лежит на мне. А тебе, может быть, удастся увидеть, в чем мы ошиблись».

«Мы все расследовали это дело, а не только вы, сэр. Мы все приняли найденные улики. Тут сомнений нет. Почему вы вдруг решили, что была совершена ошибка?» – спросил Бовуар. Он находился в подвале, держа в руке этот наводящий на него ужас телефон. А уж если он ненавидел телефоны, то как же должен был к ним относиться его шеф?

Он не думал, что они ошиблись. Напротив, он считал, что дело против Оливье завершено, проведено тщательно и без огрехов.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?» – спросил Гамаш.

Бовуар не мог не согласиться: вопрос был хороший. Единственная поправка в деле, которое в остальном было расследовано идеально.

«И что я должен сделать?»

«Я хочу, чтобы ты поехал в Три Сосны и позадавал там вопросы».

«Какие? Мы задали все вопросы, получили все ответы. Оливье убил Отшельника. Point final²⁴. Конец дискуссии. Жюри присяжных приняло наши доводы. И потом, убийство произошло пять месяцев назад. Как я теперь смогу найти какие-то новые улики?»

«Не думаю, что тебе удастся что-то найти, – сказал шеф. – Мне кажется, если ошибка где-то и была совершена, то в интерпретации фактов».

Бовуар помолчал. Он знал, что поедет в Три Сосны и сделает то, о чем просит шеф. Он всегда подчинялся шефу. Если бы тот попросил его провести допрос, раздевшись догола, то он бы так и сделал. Но шеф, конечно, никогда такого не попросит, поэтому он и доверял шефу. Верил ему безусловно.

На мгновение он вдруг снова ощутил тот толчок, то давление, тот ужас, когда ноги под ним подогнулись и он понял, что случилось. Он рухнул на грязный пол заброшенной фабрики. И услышал откуда-то издали знакомый голос, кричавший: «Жан Ги!» Гамаш редко повышал голос, но тогда он кричал.

Шеф снова заговорил, но теперь его голос был спокоен, задумчив – он пытался выработать наилучшую стратегию.

«Съезди туда как частный гражданин. Может быть, нам нужно посмотреть на все это под другим ракурсом».

«Что вы имеете в виду?»

«Поезжай в Три Сосны и попытайся доказать, что Оливье не убивал Отшельника Якоба».

И вот Жан Ги сидел здесь, пытаясь делать вид, что любит всех этих людей.

Но он их не любил.

Жан Ги не любил многих людей, и обитатели Трех Сосен не дали ему повода как-то измениться в этом отношении. Они были коварными, склонными ко лжи, самодовольными и какими-то невразумительными. В особенности англоязычные канадцы. Они были опасными, потому что скрывали свои мысли, скрывали свои чувства за улыбчивыми лицами. Кто знает, что на самом деле происходит в этих головах? Они говорили одно, а думали другое. Кто знает, какое негодное существо обитает, таится в этом пространстве между словами и мыслями?

Да, эти люди могли производить впечатление отзывчивых и добрых. Но они были опасными.

«Чем скорее это закончится, – думал Бовуар, улыбаясь им над стаканом пива, – тем лучше».

²⁴ И точка (фр.).

Глава пятая

Спустившись по лестнице, Гамаш огляделся. Сюда были принесены мощные светильники, и он увидел свет в одном из помещений подвала. Как и любого другого человека, его потянуло туда, но он воспротивился этому и принялся разглядывать то, что находилось в полумраке, давая глазам приспособиться.

Несколько мгновений спустя он увидел то, что видели здесь несколько веков назад мужчины и женщины. Каменный подвал с низкими сводами, по-французски *sous-sol*. Лучи солнца никогда не доходили сюда, здесь царила темнота, нарушаемая на протяжении веков лишь пламенем свечей, светом ламп на китовом жире или, позднее, газового рожка. А теперь вот – ослепляющих электрических огней. Они освещали этот подвал ярче солнца, чтобы люди могли видеть самые темные свои деяния.

Убийство.

И убийство не кого-нибудь, а Огюстена Рено.

Гамаш подумал, что Портер Уилсон, несмотря на всю свою паранойю, прав. Люди, которые хотят отделения Квебека от Канады, будут праздновать победу. Все, что бросает подозрения на англоязычных канадцев, работает на сепаратистов. Или, по меньшей мере, на наиболее радикальные фракции. Гамаш знал, что подавляющее большинство сторонников отделения – вдумчивые, разумные, порядочные люди. Но некоторые из них были настоящими безумцами.

Гамаш и его молодой проводник находились в тамбуре. Потолки здесь были низкие, хотя, возможно, они и не казались низкими тем, кто строил здание: плохое питание и суровые условия жизни делали этих людей на несколько дюймов ниже нынешних поколений. Но все же большинству из них наверняка приходилось нагибать здесь голову, как это делал сейчас он. Полы были земляные, в помещениях было прохладно, но не холодно. Они находились ниже горизонта промерзания; пусть здесь и не грело солнце, но зато и мороз не схватывал землю. Этакое мрачноватое чистилище, где не бывает жары, но не бывает и холодов.

Старший инспектор прикоснулся к каменной стене, думая о том, сколько мужчин и женщин, давно ушедших в мир иной, прикасались к этим камням до него, спускаясь сюда, чтобы принести из погребка хранившиеся здесь овощи. Чтобы поддерживать жизнь в голодных заключенных, пока не придет время их казни.

За тамбуром находилось другое помещение. Помещение, в котором горел свет.

– После вас, – сказал Гамаш полицейскому и последовал за ним.

И снова его глазам пришлось приспособливаться, хотя теперь на это ушло меньше времени. Мощные промышленные лампы были подвешены к каменному сводчатому потолку и стенам, но большинство было направлено в угол помещения. А в углу работали несколько мужчин и женщин. Кто-то делал фотографии, кто-то отбирал образцы, некоторые собрались вокруг чего-то невидимого Гамашу. Однако он хорошо представлял себе, что это такое.

Тело.

Инспектор Ланглуа встал, отряхнул грязь с колен и подошел к нему:

– Я рад, что вы передумали.

Они пожали друг другу руки.

– Мне нужно было поразмыслить. Мадам Макуиртер тоже просила меня поучаствовать, стать кем-то вроде честного посредника между вами и ими.

Ланглуа улыбнулся:

– Она считает, что им нужен такой посредник?

– Ну, в той или иной мере об этом просили и вы. Разве нет?

Инспектор кивнул:

– Верно. И я благодарен, что вы здесь, просто я подумал, не стоит ли нам делать это на неформальной основе. Может быть, рассматривать вас в качестве консультанта? – Ланглуа огляделся. – Хотите посмотреть?

– S'il vous plaît²⁵.

Такие сцены были знакомы старшему инспектору. Бригада криминалистов на ранней стадии сбора улик, с помощью которых можно будет предъявить кому-то обвинение в убийстве. Коронер все еще находился здесь – в этот момент он как раз поднимался на ноги. Молодой доктор, присланный из больницы «Отель-Дьё», где находился офис старшего коронера Квебека. Правда, этот молодой человек не был старшим коронером, знакомым Гамашу. Но, судя по хладнокровию молодого человека, у него уже имелся опыт работы.

– Его ударили сзади вот этой лопатой. – Доктор показал на прикопанную лопату рядом с телом. Обращался он к инспектору Ланглуа, но постреливал глазами на Гамаша. – Вполне очевидно. Его ударили несколько раз. Я взял несколько образцов, нужно их будет исследовать в лаборатории, но других травм у него, кажется, нет.

– Сколько вам нужно времени? – спросил Ланглуа.

– Двенадцать часов плюс-минус час. Нам повезло с местом. Оно не изменяется. Ни дождя, ни снега, ни колебаний температуры. Подробности я смогу сообщить позднее.

Он повернулся, собрал свои инструменты, потом кивнул Ланглуа и Гамашу. Но не ушел – задержался, оглядывая подвал.

Ему явно не хотелось уходить. Ланглуа вперился в него взглядом, и молодой человек немного утратил самоуверенность, но тут же овладел собой:

– Нельзя ли мне остаться?

– Зачем? – спросил Ланглуа нелюбезным голосом.

Доктор упорствовал:

– Вы знаете.

Инспектор Ланглуа повернулся к нему всем телом, вынуждая его продолжать:

– Не знаю. Скажите мне.

– Понимаете... – Доктор запнулся. – Возможно, вы найдете еще что-нибудь.

Почувствовав, как напрягся инспектор, Гамаш подался к нему и прошептал:

– Может быть, лучше ему остаться.

Ланглуа нехотя кивнул, и коронер вышел из круга света, шагнув через резкую границу в темноту. И стал ждать.

На всякий случай.

Все здесь знали, что это за случай.

Старший инспектор Гамаш приблизился к телу. Яркий свет не оставлял места для воображения. Он высвечивал грязную одежду убитого, спутанные длинные седые волосы, перекошенное лицо. Руки, сжатые в кулаки вместе с землей. Жуткие раны на голове.

Гамаш опустился на колени.

Да, ошибиться в идентификации тела было невозможно. Экстравагантные черные усы, контрастирующие с белыми волосами. Длинные, кустистые брови – их с таким удовольствием пародировали политические карикатуристы. Нос картофелиной и пронзительные, почти безумные голубые глаза. Даже в смерти их взгляд оставался пристальным.

– Огюстен Рено, – сказал Ланглуа. – Сомнений нет.

– А Самюэль де Шамплейн?

Гамаш произнес вслух то, о чем думали все в этом помещении, все в этом sous-sol, все в этом здании. Но никто из них не говорил об этом вслух. Вот это и был тот «случай».

– Никаких следов?

²⁵ Будьте добры, пожалуйста (фр.).

– Нет пока, – с несчастным видом ответил Ланглуа.

Потому что там, где находился Огюстен Рено, неизменно обнаруживался и кто-то другой. Самюэль де Шамплейн. Мертвый вот уже почти четыре столетия, но связанный с Огюстеном Рено.

Шамплейн, который в 1608 году основал Квебек, был давно мертв и похоронен.

Вот только где?

Эта великая тайна преследовала квебекцев. Каким-то образом они за прошедшие века потеряли своего основателя.

Они знали, где похоронены личности начала XVII века гораздо меньшего масштаба, лейтенанты и капитаны бригады Шамплейна. Они эксгумировали и перезахоронили бесчисленное число миссионеров. Пионеры, фермеры, монахини, первые французские поселенцы – места их захоронений были известны. На их скорбные могилы приходили школьники, священники в дни праздников, туристы и гиды. Имена Эбера, Фронтенака и Мари де л'Инкарнасьон²⁶ звучали по всему Квебеку, об их бескорыстии, их мужестве рассказывались истории.

Но один оставался найденным. Одни останки оставались найденными.

Отец Квебека, самый почитаемый, самый знаменитый, самый бесстрашный. Первый квебекец.

Самюэль де Шамплейн.

И один человек всю свою жизнь посвятил его поискам. Огюстен Рено перекопал, перекопал немалую часть Старого города Квебек-Сити, следуя причудливым наводкам, всплывавшим на поверхность.

И вот он оказался под помещением Литературно-исторического общества, этого бастиона англоязычного Квебека. Оказался здесь с лопатой.

Мертвый. Убитый.

Почему он здесь оказался? Похоже, на это был один ответ.

– Сообщить премьер-министру? – спросил Ланглуа у Гамаша.

– Oui. Премьер-министру, министру общественной безопасности. Главному археологу. «Голосу англоговорящего Квебека». Обществу Иоанна Крестителя. Квебекской партии. – Гамаш сурово взглянул на Ланглуа. – Потом вам нужно будет созвать пресс-конференцию и оповестить население. Всех в равной мере. Одновременно.

Это предложение выбило Ланглуа из колеи.

– А вы не думаете, что лучше не поднимать лишнего шума? Ну то есть, ведь это Огюстен Рено, а не премьер-министр. Этот человек был своего рода клоуном. Никто не относился к нему серьезно.

– Но серьезно относились к его поискам.

Инспектор Ланглуа посмотрел на Гамаша, но ничего не сказал.

– Вы, конечно, должны поступать так, как считаете нужным, – добавил старший инспектор, которому был симпатичен этот человек. – Но в качестве консультанта даю вам такой совет. Сообщите всем, и сообщите как можно скорее, прежде чем воинствующие элементы начнут распространять слухи.

Гамаш перевел взгляд за круг яркого света, в темноту подвалов за этим помещением.

Неужели Самюэль де Шамплейн находится где-то здесь? Арман Гамаш, изучавший квебекскую историю, ощутил дрожь, невольный трепет.

А если он чувствовал это, то что же будут чувствовать другие?

²⁶ *Луи Эбер* (1575–1627) считается первым канадским аптекарем. *Луи де Буад, граф Фронтенак* (1622–1698) – французский воин и придворный, губернатор Новой Франции. *Мари де л'Инкарнасьон* (1599–1672) – французская монахиня-миссионер, создательница монастыря урсулинок в Новой Франции.

Элизабет Макуиртер чувствовала себя неважно. Она повернулась спиной к окну. К окну и виду из него, который до этого дня неизменно доставлял ей удовольствие. Она по-прежнему могла видеть металлические крыши, трубы, здания, целиком построенные из плитняка, снег, теперь усилившийся. Но еще она видела машины телевизионщиков, машины с эмблемами радиостанций на дверях. Видела мужчин и женщин, знакомых ей по телевизионному экрану и фотографиям в «Ле солель» и «Ла пресс». Журналистов. И не только желтую прессу. Не только людей из программы «Алло, полиция» (хотя они тоже присутствовали), но и уважаемых ведущих новостей.

Со своим искусственным освещением и камерами наготове они выстроились перед зданием, словно для игры в «красного пирата»²⁷, и вещали на всю провинцию. «Что же они там говорят?» – спрашивала себя Элизабет.

Но ничего хорошего говорить они не могли, а то, что говорили, могло различаться лишь по степени плохого.

Она позвонила работникам библиотеки, чтобы сообщить им имеющиеся у нее крохи информации. Много времени это не заняло.

«В подвале обнаружено тело Огюстена Рено. Передайте, кому сможете».

Элизабет снова посмотрела в окно и застонала: снаружи быстро сгущались снег и пресса – и то и другое штормило, бушевало.

– Что там? – спросила Уинни, присоединяясь к подруге у окна. – Ой...

Они увидели, как Портер спускается по лестнице, подходит к толпе репортеров и дает нечто вроде пресс-конференции.

– Господи Иисусе, – вздохнула Уинни. – Как вы думаете, я до него доброшу? – Она взвешивала на руке первый том «Малого Оксфордского словаря».

– Хотите кинуть в него книгой? – улыбнулась Элизабет.

– Жаль, что никто не подарил библиотеке арбалет.

Инспектор Ланглуа сидел во главе полированного стола в библиотеке Литературно-исторического общества. Эта комната совмещала в себе домашний уют и величие. Здесь пахло прошлым, докомпьютерными временами, когда информацию нельзя было «прогуглить» или поместить в блог. Временами, когда ноутбуки, смартфоны и другие новинки еще не смешали понятия «информация» и «знание». Это была старая библиотека, полная старых книг и старых пыльных мыслей.

Здесь было спокойно и уютно.

Инспектор Ланглуа давно не заходил в библиотеки. Пожалуй, со школьной поры. Времена, наполненного новым опытом и ароматами, которые всегда будут ассоциироваться с тем опытом. Носки для спортзала. Гниющие бананы в шкафчиках раздевалки. Пот. Одеколон «Олд спайс». Запах травяного шампуня на волосах девушки, которую он целовал, и не только целовал. Запах такой сладкий, настолько наполненный желанием, что каждый раз, когда он его ощущал, у него возникала чисто физическая реакция.

И библиотеки. Тихие. Спокойные. Убежища от сумятицы подростковой жизни. В которой девушки, пахнущие травяным шампунем, не дают тебе ничего, кроме поцелуя, и смеются, в которой мальчишки в спортивном зале толкают тебя, а ты со смехом толкаешь их в ответ, скрывая за бурным весельем ужас в обезумевших глазах.

Он помнил то ощущение, какое испытывал, оказавшись в библиотеке, где ему не грозило ничье нападение, но где он был окружен вещами куда более опасными, чем те, что подстерегали его в коридорах школы.

Потому что здесь были сконцентрированы мысли.

²⁷ Детская уличная игра наподобие «Али-бабы».

Юный Ланглуа сидел и впитывал в себя эту силу. Силу, основа которой – знания, информация, мысли и спокойное убежище, где ты можешь набираться всего этого.

Инспектор Ланглуа из отдела по расследованию убийств Квебек-Сити оглядел посещение библиотеки с антресолюю, с ее резным деревом, старыми томами. Он размышлял о людях, которых должен был опросить. О людях, которые имели доступ ко всем этим книгам, всему этому спокойствию, всей этой силе.

Об англоязычных канадцах.

Справа от него сидел помощник, фиксировавший ход расследования. Слева – человек, которого до этого дня Ланглуа видел только издалека. Он слушал его лекции. Видел на экране телевизора. На процессах, на публичных слушаниях, на ток-шоу. И на похоронах шесть недель назад. Вблизи старший инспектор казался другим. Прежде Ланглуа видел его только в костюмах, с аккуратными усиками. Теперь он носил не только кардиган и вельветовые брюки, но и бородку, в которой пробивалась седина. А над правым виском появился шрам.

– Alors²⁸, – начал Ланглуа. – Прежде чем сюда войдет первый из них, я бы хотел еще раз пробежаться по тому, что нам известно на данный момент.

– Жертва, – начал зачитывать из своего блокнота помощник, – опознана как Огюстен Рено. Возраст семьдесят два года. Ближайшая родня – бывшая жена – извещена. Детей нет. Формально она опознает его позднее, но сомнений у нас нет. О том, что это он, говорят обнаруженные при нем водительские права и медицинская страховая карточка. Еще в его бумажнике обнаружилось сорок пять долларов, а в карманах еще три доллара и двадцать два цента мелочью. Когда тело было поднято, под ним оказались еще двадцать восемь центов. Как мы считаем, они выпали из кармана. Монеты современные. Все канадские.

– Хорошо, – сказал Ланглуа. – Продолжай.

Рядом с ним сидел и слушал старший инспектор Гамаш, положив руки на стол и накрыв одну руку другой.

– Под телом мы нашли сумку. В ней была карта Квебека, сделанная от руки.

Она лежала на столе перед ними. На карте были отмечены участки города, где Рено проводил раскопки в поисках Шамплейна, и стояли даты, уходящие на многие десятилетия назад.

– Есть какие-либо соображения? – спросил Ланглуа у Гамаша, когда они все втроем осматривали карту.

– Вот что представляется мне существенным.

Палец Гамаша остановился над пустым местом на карте. На карте, где были обозначены только те здания и улицы, которые Рено считал важными для своих поисков. Места, где мог быть захоронен Самюэль де Шамплейн. Здесь были показаны базилика Нотр-Дам-де-Квебек и кафе «Бюад», здесь были показаны разные рестораны и дома, которым «посчастливилось» привлечь внимание Рено.

Остальная часть великолепного Старого города словно и не существовала для Огюстена Рено.

А прямо там, куда указывал палец Гамаша, находилось Литературно-историческое общество. Но оно отсутствовало. Не было нанесено на карту. Его не существовало в Шамплейно-центрическом мире Рено.

Ланглуа кивнул:

– Я тоже обратил на это внимание. Возможно, у него не было времени внести поправки.

– Это не исключено, – сказал Гамаш.

– И что вы думаете?

– Я думаю, было бы ошибкой, если бы мы позволили страсти Рено ослепить нас. Убийство может не иметь никакого отношения к Шамплейну.

²⁸ Ну что ж (*фр.*).

– Тогда зачем он там копал? – спросил молодой помощник.

– Хороший вопрос, – печально улыбнулся Гамаш. – Похоже, это ключ к разгадке.

– Верно. – Ланглуа сложил карту и сунул ее назад в сумку.

Гамашу стало любопытно, зачем Рено нужна была такая большая сумка, если там лежала одна только карта.

– И больше там ничего не было? – Гамаш кивнул на сумку в руках Ланглуа. – Кроме карты?

– Ничего. А что?

– Карту можно было унести и в кармане. Зачем ему потребовалась сумка?

– Привычка, – предположил помощник. – Возможно, он носил ее повсюду, на тот случай, если что-нибудь обнаружится.

Гамаш кивнул. Такое было возможно.

– Коронер говорит, что Рено был убит лопатой около одиннадцати часов вчера вечером, – сказал Ланглуа. – Он упал лицом в землю, после чего была предпринята попытка его закопать.

– Но неглубоко, – добавил помощник. – Не основательно. Вы считаете, они хотели, чтобы его нашли?

– Интересно, как часто пользуются этим подвалом, – задумчиво произнес Ланглуа. – Нужно будет спросить. Пусть войдет первый – председатель совета. Как его там? – Инспектор заглянул в свои записи. – Портер Уилсон.

Вошел Портер. Он пытался не показывать этого, но он был потрясен тем, что в библиотеке, его библиотеке, сидят полицейские.

Он не питал ненависти к французам. Невозможно жить в Квебек-Сити и испытывать такие чувства. Это стало бы мучительным испытанием, тогда как можно было бы уехать и жить другой жизнью. Нет, Портер знал, что французы любезны и гостеприимны, предупредительны и постоянны. Большинство из них. Ну а радикалы имелись по обе стороны.

Здесь-то и крылась проблема, о которой ему неустанно говорил священник Том Хэнкок. Портер воспринимал это как «стороны», невзирая на то, что прошло столько лет и у него было множество друзей-французов. Невзирая на то, что его дочь была замужем за франкоязычным канадцем, а внуки ходили во французскую школу, да и сам он говорил на идеальном французском.

Он по-прежнему смотрел на это как на стороны, а себя видел где-то с краю. Потому что он был англичанином. И тем не менее он считал себя таким же квебекцем, как и все остальные в этой прекрасной комнате. Его семья прожила здесь не одну сотню лет. Сам он прожил в Квебеке дольше, чем этот молодой полицейский, или человек, сидевший во главе стола, или старший инспектор Гамаш.

Он здесь родился, прожил всю жизнь, и здесь его похоронят. И все же, несмотря на все его дружелюбие, его никогда не будут считать полноценным квебекцем, «своим».

Вот разве что здесь. В Литературно-историческом обществе, в самом центре Старого города. Здесь он был дома, в английском мире, созданном английскими словами, в окружении бюстов великих англичан.

Но сегодня во время его дежурства сюда вошла французская полиция и обосновалась в Лит-Исте.

– Прошу вас, – сказал инспектор Ланглуа, вежливо вставая и показывая на стул. Он говорил на своем лучшем, весьма корявом английском. – Присоединяйтесь к нам.

Словно у мистера Уилсона был выбор. Они стали здесь хозяевами, а он – гостем. Он удержался от резкого ответа и сел, хотя и не на то место, на которое показал инспектор.

– У нас есть несколько вопросов, – сказал инспектор Ланглуа, переходя к делу.

В течение следующего часа они опросили всех. От Портера Уилсона они узнали, что библиотека запирается каждый вечер в шесть часов и, значит, утром, когда здесь появился Уил-

сон, была заперта. Все тут оставалось на своих местах. Но люди Ланглуа осмотрели большой старый дверной замок, и хотя никаких следов вскрытия на нем не обнаружилось, такой замок мог бы без труда открыть даже ребенок, не прибегая к помощи ключа.

Тревожной сигнализации в библиотеке не имелось.

– Зачем нам тратиться на сигнализацию? – спросил Портер. – Сюда никто не заходит, даже когда мы открыты, так зачем приходить, когда мы закрыты?

Они узнали, что английские книги в Квебек-Сити можно найти только здесь.

– И у вас их, кажется, немало, – сказал Гамаш. – Я не мог не заметить это, пока шел по коридорам и комнатам: у вас тут есть несколько книг, не включенных в каталоги.

«Это явное преуменьшение», – подумал он, вспомнив огромное количество коробок с книгами повсюду в задних комнатах.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Простое наблюдение.

– Вы правы, – неохотно согласился Портер. – Причем каждый день поступают все новые книги. То и дело кто-нибудь умирает и оставляет нам свои книги. Так мы и узнаём, что кто-то еще умер: появляется коробка с бесполезными книгами. Это вернее, чем некрологи в «Кроникл-телеграф».

– И они всегда бесполезные? – спросил Ланглуа.

– Один раз мы нашли неплохую книгу рисунков.

– Когда это было?

– В тысяча девятьсот двадцать шестом году.

– А продать их вы никому не можете? – спросил Гамаш.

Портер уставился на старшего инспектора. Гамаш ответил тем же, не понимая, что могло вызвать столь саркастический взгляд.

– Вы шутите?

– Non, monsieur²⁹.

– Мы не можем. Попытались как-то раз – членам общества это не понравилось.

– В тысяча девятьсот двадцать шестом? – переспросил Ланглуа.

Уилсон не ответил.

Следующей вошла Уинни Мэннинг и подтвердила, что ночь и в самом деле клубничка, но добавила, что англичане обычно хорошие тыквы, а в библиотеке прекрасный отдел матрасов и спальных принадлежностей.

– Собственно говоря, – обратилась она к Гамашу, – мне кажется, вы и сами интересуетесь этой областью.

– Интересуюсь, – признался он, к удивлению Ланглуа и его помощника.

Когда Уинни вышла, заявив напоследок, что должна запустить новую линию дверных ручек, Гамаш объяснил:

– Она имела в виду «морской флот», а не «матрас».

– Правда? – спросил помощник, который делал записи, но уже решил сжечь их, чтобы никто не заподозрил, что он был пьян во время допроса.

Место Уинни занял мистер Блейк.

– Стюарт Блейк, – представился пожилой человек, садясь на указанный ему стул и поглядывая на полицейских с вежливым любопытством.

Он был безукоризненно одет и выбрит, его лицо было гладким, розовым и добрым, а глаза – живыми. Он посмотрел на Гамаша и улыбнулся.

– Monsieur l'inspecteur... – Он наклонил голову. – Désolé. Я и понятия не имел, кто вы такой.

²⁹ Нет, месье (фр.).

– Вы знали только то, что имеет значение, – сказал Гамаш. – Что мне необходимо пользоваться этой великолепной библиотекой. А больше ничего и не нужно было знать.

Мистер Блейк улыбнулся, сложил руки и стал ждать, расслабившись.

– Насколько я понимаю, вы много времени проводите в библиотеке, – начал инспектор Ланглуа.

– Да. На протяжении многих лет. После выхода на пенсию.

– А кем вы работали?

– Я был адвокатом.

– Значит, вас нужно называть Maître³⁰ Блейк, – заметил Ланглуа.

– Нет-нет, я давно уже не работаю. Просто «мистер» будет достаточно.

– Как давно вы связаны с Литературно-историческим обществом?

– Вообще-то, так или иначе всю жизнь, а до меня – мои родители, а до них – их родители... Знаете, ведь это было первое историческое общество в стране. Оно старше Национального архива. Основано еще в тысяча восемьсот двадцать четвертом году, хотя и не в этом здании.

– Это здание, – подхватил старший инспектор Гамаш. – У него интересная история?

– Очень. – Мистер Блейк повернулся к старшему инспектору. – Литературно-историческое общество получило его только в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году. Изначально здесь располагался Королевский форт, военные казармы. Здесь также помещались военнопленные, в основном американцы. Потом здание стало просто тюрьмой. Вы ведь знаете, тут проводились публичные казни.

Гамаш ничего не сказал, хотя ему показалось занятным, что этот рафинированный, культурный, цивилизованный человек получает удовольствие, рассказывая им о былом варварстве.

– Вешали вот прямо здесь. – Блейк показал на входную дверь. – Если верите в призраков, лучше места вам не найти.

– А вы их тут видели? – спросил Гамаш, удивив Ланглуа и молодого полицейского.

Блейк задумался, потом покачал головой:

– Нет. Но я иногда их чувствую. Если тут никого больше нет.

– А часто бывает, что никого, кроме вас, здесь нет? – любезным тоном спросил Гамаш.

– Иногда. Мне тут спокойно. Думаю, и вам тоже.

– C'est la vérité³¹, – согласился старший инспектор. – Но у меня нет ключа, чтобы приходить сюда после закрытия. А у вас есть. И я полагаю, вы им пользуетесь.

И опять мистер Блейк помедлил.

– Пользуюсь. Но не часто. Только когда меня мучит бессонница и какой-нибудь вопрос.

– Например? – спросил Гамаш.

– Какие травы растут на острове Рам. И когда была поймана последняя латимерия.

– А прошлым вечером такие вопросы вас не беспокоили?

Они посмотрели друг на друга. Наконец мистер Блейк улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Вчера спал, как ребенок. Как сказал Шекспир, лучший путь обрести покой – это иметь спокойную и тихую совесть.

«Или вообще ее не иметь», – подумал Гамаш, с интересом глядя на мистера Блейка.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – спросил инспектор Ланглуа.

– Я вдовствую. Жена умерла восемь лет назад. Так что свидетелей у меня нет.

– Désolé, – произнес Ланглуа. – Скажите, мистер Блейк, зачем, по-вашему, Огюстен Рено пришел сюда вчера вечером?

– Разве это не очевидно? Видимо, он решил, что здесь похоронен Шамплейн.

³⁰ Адвокат (фр.).

³¹ Это правда (фр.).

И вот, пожалуйста. Очевидный ответ произнесен.

– А он здесь похоронен?

Блейк улыбнулся:

– Боюсь, что нет.

– Почему же Рено решил, что Шамплейн похоронен здесь? – спросил Ланглуа.

– А почему Огюстен Рено вообще что-то решал? Кто-нибудь когда-нибудь понимал его логику? Может быть, его раскопки проводились по алфавиту, и вот он добрался до буквы «Л». В такой логике не больше смысла, чем в любой другой. Бедняга, – добавил Блейк. – Я полагаю, вы будете проводить раскопки?

– В настоящий момент это место преступления.

– Невероятно, – пробормотал мистер Блейк себе под нос. – Почему Огюстен Рено появился здесь, в Лит-Исте?

– И зачем кому-то понадобилось его убивать? – подхватил Ланглуа.

– Здесь, – добавил Гамаш.

Последней вошла Элизабет Макуиртер.

– В чем состоят ваши обязанности? – спросил Ланглуа, когда она уселась.

– Ну, «обязанности» – это такой неопределенный термин. Мы все волонтеры. Раньше получали деньги, но правительство перестало финансировать библиотеку, поэтому теперь все деньги, что мы получаем, уходят на коммунальные расходы. Одно отопление чего стоит. И нам только что пришлось поменять проводку. А если бы этого не было сделано, то, возможно, тело мистера Рено так никогда и не было бы обнаружено.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Ланглуа.

– Когда мы меняли проводку, то решили, что и телефонные провода стоит поменять. Перенести их в подвал. Если бы их не перерезали, то тело так и не было бы обнаружено – его бы залили бетоном.

– Pardon? – спросил Ланглуа.

– На следующей неделе. В понедельник мы ждем рабочих, которые должны залить пол в подвале бетоном.

Мужчины переглянулись.

– Вы хотите сказать, что если бы Рено или его убийца не перерезал телефонную линию прошлой ночью, то пол залили бы бетоном? – спросил инспектор.

Элизабет кивнула.

– Кто знал, что будут проводиться эти работы?

– Да все знали.

Элизабет отошла к библиотечному столу и вернулась с тремя брошюрками, которые раздала полицейским. На первой страничке размещалось объявление.

Проводка, телефонная линия и подвал будут ремонтироваться.

Раскрыв брошюрку и положив ее на стол перед собой, старший инспектор Гамаш снова посмотрел на эту хрупкую пожилую женщину:

– Здесь говорится, что работы будут проделаны, но сроки не указаны. По-моему, сроки – это существенный фактор.

– Возможно, вы правы, старший инспектор, но мы не держали время работ в тайне. Многие знали. Совет, волонтеры, строительные рабочие.

– Где же вы взяли деньги? Ведь все это должно стоить целое состояние.

– Да, это дорого, – признала Элизабет. – У нас есть гранты и пожертвования. И мы продали кое-какие книги.

– Значит, книги продавались недавно, – сказал Ланглуа. – Но месье Уилсон сообщил нам, что продажи книг идут с трудом.

– Ну, это явное преуменьшение, – откликнулась Элизабет. – Они идут катастрофически плохо. Мы продали несколько коробок книг, которые десятилетиями только лежали, собирая пыль. Позор. Книги должны находиться в чьей-нибудь коллекции, а не лежать без призора здесь. И Господь знает, как нам необходимы деньги. Это было идеальное решение – превратить ненужные нам книги в новую проводку.

– Что же не заладилось? – спросил Гамаш.

– Сообщество не заладилось. Все решили, что мы не только библиотека, но и музей и всё, что нам жертвовалось, должно расцениваться как сокровища. Боюсь, что книги стали символом.

– Символом чего? – спросил Гамаш.

– Ценности английского языка. Английской культуры. Высказывались опасения, что если уж Лит-Ист перестанет ценить английский язык, письменное слово, то надежды вообще нет. Книги перестали быть книгами, они стали символом английского сообщества. Их необходимо было сохранить. Когда это случилось, прекратились все распри, все споры. И все продажи.

Гамаш кивнул. Она была права. Сражение было проиграно в тот момент. Лучше уж покинуть поле боя.

– И вы прекратили продажи?

– Да. Поэтому вы и видели коробки в коридорах. Если умрет еще один престарелый англоязычный канадец, Литературно-историческое общество взорвется. – Она рассмеялась, но смех ее был грустным.

– Как вы думаете, почему Огюстен Рено оказался здесь? – спросил Ланглуа.

– Думаю то же, что и вы. Вероятно, он считал, что здесь захоронен Шамплейн.

– Какие у него были основания это предполагать?

Элизабет пожала плечами, и даже это движение получилось у нее изящным.

– Какие у него были основания предполагать, что Шамплейн захоронен под китайским рестораном? Или под начальной школой? Какие у Огюстена Рено были основания предполагать что бы то ни было?

– Он когда-нибудь приходил сюда?

– Ну, вот вчера пришел.

– Я имею в виду, видели ли вы его здесь прежде?

Элизабет Макуиртер помедлила.

– Никогда в самой библиотеке, насколько мне помнится. Но на крыльце, у входной двери, видела. Вчера утром.

Молодой помощник, потрясенный тем, что наконец-то прозвучало что-то стоящее, чуть не забыл записать это в свой блокнот. Но через несколько секунд его перо застрочило по бумаге.

– Продолжайте, – сказал Ланглуа.

– Он попросил встречи с советом директоров.

– Когда это было?

– Около половины двенадцатого. Мы заперли дверь, как обычно во время заседаний совета.

– И он просто взял да пришел?

– Именно так.

– А откуда он узнал, что у вас заседание?

– Мы разместили объявление в газете.

– В «Ле солель»?

– В квебекской «Кроникл-телеграф».

– Где?

– В «Кроникл-телеграф». – Элизабет написала название для помощника. – Это старейшая газета Северной Америки, – пояснила она машинально.

– Продолжайте. Вы говорите, он просто пришел, – напомнил инспектор. – Что было дальше?

– Он позвонил, Уинни открыла ему, потом пришла сюда – передала его просьбу. Она оставила его на крыльце.

– Что вы ему ответили?

– Мы проголосовали и решили, что не будем с ним встречаться. Решение было единогласным.

– Почему не будете?

Элизабет задумалась.

– Боюсь, мы просто отрицательно реагируем на все, что нарушает заведенный порядок вещей. Все мы, включая и меня. Мы создали тихую, однообразную, но очень счастливую жизнь. Жизнь, основанную на традиции. Мы знаем, что каждый вторник у нас бридж-клуб, что там будут подавать имбирное печенье и цейлонский чай. Мы знаем, что по четвергам приходит уборщик, и мы знаем, где хранятся бумажные полотенца. В том же месте, где их держала моя бабушка, когда была секретарем Лит-Иста. Жизнь, не очень богатая событиями, но для нас она наполнена внутренним смыслом.

Она помолчала, потом посмотрела на старшего инспектора Гамаша, взывая о помощи.

– И приход Огюстена Рено расстроил все это, – подсказал он.

Элизабет кивнула.

– Как он прореагировал, когда ему отказали? – спросил Гамаш.

– Я пошла сообщить ему об этом. Он был недоволен, но принял услышанное. Сказал, что вернется. Но я не думала, что он собирался вернуться так быстро.

Она вспомнила, как стояла у толстой деревянной двери, приоткрыв ее совсем немного, словно она была монахиней, а Рено – грешником. Из-под его меховой шапки торчали седые волосы, с черных усов свисали сосульки, изо рта вырывалось сердитое дыхание. Глаза были не безумные, но злые.

«Вам меня не остановить, мадам», – сказал он.

«У меня нет желания останавливать вас, месье Рено», – ответила она голосом, который, как ей хотелось надеяться, звучал рассудительно. Даже дружелюбно.

Но они оба знали, что она лжет. Ее желание остановить его было столь же сильным, как и его желание попасть внутрь.

По завершении допросов Гамаш вернулся в кабинет. Он нашел там всех за чаем.

– Милости прошу в нашу спасательную лодку, – сказала Элизабет, вставая и приглашая его присоединиться к компании, состоящей из Уинни, Портера и ее самой. – А это наше топливо. – Она показала на чайник и улыбнулась.

Анри бросился навстречу Гамашу.

– Надеюсь, он не очень вас беспокоил? – Старший инспектор похлопал собаку по спине, сел и взял чашку крепкого чая.

– Нет-нет, – ответила Уинни. – И что дальше?

– Вы о расследовании? Когда будет получен отчет от коронера, начнут выяснять маршруты Огюстена Рено, будут искать его друзей, семью. Тех, кто желал ему смерти.

Они сидели вокруг стола. Не то чтобы дружная семейка, но какое-то ее подобие.

– Вы упомянули, что месье Рено хотел поговорить с советом, – обратился Гамаш к Элизабет.

– Вы им об этом сказали? – спросил Портер более напряженным, чем обычно, голосом. – Все-таки сказали.

– У нее не было выбора, – откликнулся Гамаш. – Вы все должны были сказать нам об этом. Вы должны были понимать, насколько это важно. – Он обвел всех строгим взглядом. – Вы отказались его принять, но в конечном счете вы собирались его выслушать?

Он обращался к Портеру, но заметил, что все теперь смотрят на Элизабет, которая хранила молчание.

– В конечном счете – возможно. Но для нас это было бесполезно и очень... – Портер несколько секунд искал нужное слово. – Неудобно.

– Месье Рено мог быть весьма убедительным, – сказал Гамаш, вспоминая бурные кампании, которые развязывал этот археолог-любитель против тех, кто препятствовал его раскопкам.

– Это верно, – признал Портер.

Он как-то сник, в полной мере осознав все возможные неприятные последствия случившегося. Каким бы кошмаром ни обернулись для них поиски Огюстеном Рено тела Шамплейна под Лит-Ист обществом, еще кошмарнее было то, что случилось.

– Можно получить протокол заседания?

– Я его еще не оформила, – сказала Элизабет.

– Вашего черновика будет достаточно.

Она помедлила, но все-таки передала ему блокнот, и он, надев полукруглые очки для чтения, просмотрел записи того, что происходило на заседаниях.

– Я вижу, что присутствовали Том Хэнкок и Кен Хэслам, но они ушли рано. Они были здесь, когда появился Огюстен Рено?

– Да, – ответил Портер. – Они ушли вскоре после этого. Мы все присутствовали, когда появился Рено.

Гамаш продолжил просматривать записки, потом посмотрел на Элизабет поверх очков:

– Здесь не упомянуто о приходе месье Рено.

Элизабет Макуиртер уставилась на него. Было ясно, что, обращаясь к нему за помощью, она не предполагала, что он будет задавать им столько вопросов. К тому же неудобных вопросов.

– Я решила не писать об этом. Ведь он же не говорил с нами. Ничего не произошло.

– Много чего произошло, мадам, – заметил Гамаш.

Он отметил, что она сказала «я», а не «мы». Означает ли это, что она отводит от них подозрения, берет всю ответственность на себя? Или это и в самом деле было ее личное решение?

Может быть, они и были спасательной лодкой, но теперь Гамаш четко представлял себе, кто на ней капитан.

Глава шестая

Утро только начиналось, а Жан Ги Бовуар понял, что совершил ошибку. Не очень серьезную, скорее досадный промах.

Ему нужно было вернуться в Монреаль и допросить Оливье Брюле. С этого он и должен был начать, а не ехать сразу в Три Сосны. А он провел последний час без дела в бистро. Все ушли, но сначала убедились, что он сидит на лучшем месте – в большом потертом кожаном кресле у камина. Он обмакнул ломтик кекса в кофе с молоком и посмотрел через подернутое инеем стекло: за окном шел снег, снежинки падали неторопливо, но настойчиво. Билли Уильямс проехал раз по улице на своем снегоуборщике, но дорогу опять успело засыпать.

Бовуар опустил глаза на папку, которую держал в руке, и продолжил чтение, чувствуя, как тепло разливается по его телу. Полчаса спустя он взглянул на морские часы, стоящие на каминной полке. Двадцать минут второго.

Пора.

Но не в Монреаль. В такую погоду лучше не ехать.

Он вернулся в свою комнату в гостинице, надел шелковые кальсоны, потом натянул несколько слоев одежды, а поверх – пуховый зимний костюм. Он редко его надевал, потому что всегда хотел быть готовым к бегу, а этот костюм делал его похожим на робота из фильма «Затерянные в космосе». Квебек зимой и вправду выглядел как Земля, подвергшаяся вторжению инопланетян.

К счастью, шансы встретиться в лесу с редактором журнала «Вог ом»³² были весьма невелики.

Бовуар прошел вверх по холму, слыша, как штанины трутся одна о другую. В этом одеянии он почти не мог прижать руки к бокам. Он теперь чувствовал себя немного зомби – топ-топ вверх по склону, в гостиницу и спа-салон.

– Oui?

Кароль Жильбер открыла дверь и увидела припорошенного снегом зомби. Однако пожилая женщина не продемонстрировала ни малейшего испуга или удивления. Как всегда любезная, она отступила на два шага ипустила инопланетянина в гостиницу, принадлежащую ее сыну и невестке.

– Чем могу быть полезна?

Бовуар стал разматывать шарф, чувствуя себя теперь героем фильма «Мумия». Ну прямо-таки настоящий фестиваль фильмов категории В³³. Наконец он стянул с себя шапочку, и Кароль дружески ему улыбнулась:

– Инспектор Бовуар?

– Oui, madame, comment allez-vous?³⁴

– Спасибо, хорошо. Как вы? Хотите у нас остановиться? Я не видела вас в журнале заявок.

Она оглянулась на большой открытый холл с черной и белой плиткой на полу, полированным деревянным столом и свежими цветами в разгар зимы. Гостиница манила своим уютом, и на мгновение Бовуар пожалел, что не зарезервировал номер. Но он тут же вспомнил про цены, потом вспомнил, зачем сюда приехал.

Не за массажем и деликатесами, а чтобы выяснить, в самом ли деле Оливье убил Отшельника.

³² «Мужская мода» (фр.).

³³ Фильмы категории В – здесь: малобюджетная кинопродукция, не отличающаяся высокими художественными достоинствами.

³⁴ Да, мадам, как вы поживаете? (фр.)

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

На то самое место, где теперь стоял Бовуар, Оливье выгрузил тело Отшельника. Он сам в этом признался. Он перевез убитого через лес глубокой ночью на уик-энд Дня труда. Обнаружив, что дверь не заперта, он просто вывалил сюда свой скорбный груз. Вот на это самое место.

Бовуар опустил глаза. С него капало, как со Злой Ведьмы Запада, вокруг залепленных снегом ног на полу образовалась лужа. Но Кароль это не волновало. Ее больше беспокоило, удобно ли ему.

– Нет, я остановился в гостинице в деревне, – сказал Бовуар.

– Да, конечно.

Он проверил, нет ли на ее лице признаков профессиональной зависти, но ничего такого не увидел. Да и с чего бы им появиться? Ему казалось невероятным, что владельцы столь великолепной гостиницы и спа-салона могут кому-то завидовать, в особенности такой дешевой и не первой свежести гостинице, как у Габри.

– Что же привело вас к нам, инспектор? – спросила Кароль любезным тоном. – Старший инспектор с вами?

– Нет. Вообще-то, я в отпуске.

– Ну разумеется. Извините. – Судя по ее виду, она говорила искренне, на ее лице появилось озабоченное выражение. – Глупо с моей стороны. Как у вас дела?

– Ничего. Уже лучше.

– А месье Гамаш?

– Ему тоже лучше.

Откровенно говоря, он уже немного устал от этих вопросов.

– Я рада.

Кароль жестом пригласила его пройти внутрь, но Бовуар остался на месте. Он спешил, и не в его характере было скрывать это. Он сознательно пытался взять себя в узду. Ведь в конечном счете предполагалось, что он приехал сюда отдохнуть.

– Чем я могу вам помочь? – спросила Кароль. – Неужели вы пришли на грязевые ванны? Или хотите заняться тайцзицюань?³⁵

Она что, насмехается над ним? Нет, вряд ли. Скорее уж посмеивается над собой и над услугами спа. Ее сын Марк и его жена Доминик около года назад купили полуразрушенный дом и превратили его в великолепную гостиницу и спа-салон. Они пригласили мать Марка, Кароль Жильбер из Квебек-Сити, сюда в Три Сосны, чтобы она помогала им.

– Вижу, что могло натолкнуть вас на такую мысль: я пришел к вам в костюме для тайцзицюань. – Бовуар вытянул руки в стороны, чтобы она увидела его костюм во всей красе.

Кароль рассмеялась.

– Вообще-то, я хочу попросить вас об услуге. Не могли бы вы одолжить один из ваших снегоходов? Насколько я понимаю, вы их держите для гостей.

– Да, держим. Я попрошу Рора Парру помочь вам.

– Merci. Я хотел съездить в тот лесной домик.

Он посмотрел на нее, надеясь увидеть какую-то реакцию, – и увидел. Любезное выражение на ее лице вдруг сменилось непроницаемым. Занятно, что еще минуту назад она казалась спокойной, удовлетворенной, расслабленной. И вдруг, хотя ничто вроде бы не изменилось, словно превратилась в лед. От нее так и веяло холодом.

– Да? И зачем?

– Взглянуть еще раз. Чем-то себя занять.

Она впиалась в него своими змеиными глазами. Потом эта маска исчезла, и Кароль снова стала великосветской дамой, хозяйкой особняка.

³⁵ Тайцзицюань – китайское боевое искусство, популярное как оздоровительная гимнастика.

– В такую погоду? – Она посмотрела в окно, за которым падал снег.

– Ну, если бы я боялся снега, то вообще не мог бы зимой работать, – сказал Бовуар.

– Это верно, – согласилась Кароль.

«Неохотно?» – подумал он.

– Вы, вероятно, не знаете, но там теперь живет мой муж.

– Правда?

Он этого не знал. Но он ясно слышал, что она сказала «муж», а не «бывший муж». Они разошлись много лет назад, и внезапно Винсент Жильбер появился из ниоткуда, неожиданно-негаданно. Он оказался в гостинице и спа почти в тот самый момент, когда было обнаружено мертвое тело Отшельника.

– Вы уверены, что не предпочтете грязевую ванну? – спросила Кароль. – На мой взгляд, это почти то же самое, что и час общения с Винсентом.

Бовуар рассмеялся:

– Non, madam, merci. Он будет возражать, если я загляну к нему?

– Винсент? Я уже давно оставила попытки понять, как у него работает голова. – Но она слегка сжалась и улыбнулась тающему человеку. – Я уверена, он будет рад обществу. Однако вам лучше поторопиться, а то будет темно.

Было уже два часа. К четырем стемнеет.

А когда на квебекский лес зимой опускается темнота, оттуда выползают тысячи монстров. Не монстры из фильма категории В, не зомби, не мумии, не космические пришельцы, а куда более старые и коварные призраки. Невидимые существа, которые являются при низких температурах. Смерть от холода, смерть от долгого пребывания в лесу, смерть, если сошел с тропинки и заблудился. Смерть, древняя и терпеливая, поджидает в квебекских лесах после наступления темноты.

– Идемте со мной.

Кароль Жильбер, миниатюрная и изящная, надела толстое теплое пальто и тем самым присоединилась к вражеской армии. Они обошли гостиницу и спа, пробираясь сквозь большие мягкие снежные хлопья. Неподалеку инспектор Бовуар видел лыжников, движущихся по хорошо размеченной лыжне. Несколько минут – и они войдут в дом, сядут у огня попивать коктейль или горячий шоколад. Розовощекие, с холодными носами, они будут растирать себе ноги, чтобы согреться.

Если эти лыжники остановились в гостинице, то им будет тепло, хорошо, удобно.

А он собирается в глубокий лес, вдогонку за солнцем, клонящимся к закату, в домик, где произошло убийство, а теперь живет сумасшедший.

– Рор, – позвала Кароль Жильбер, и невысокий, коренастый человек в сарае выпрямился.

Волосы и глаза у него были почти черные, сложение мощное.

– Мадам Жильбер, – кивнул он ей.

Не подобострастно, а уважительно. И инспектор Бовуар понял, что эта женщина естественным образом вызывает уважение, потому что к другим относится с этим чувством. Как вот сейчас по отношению к этому человеку.

– Вы, наверное, помните инспектора Бовуара.

Последовала неловкая пауза, прежде чем Рор Парра протянул ему руку. Бовуар не удивился этому. Он и остальные члены их команды сделали жизнь семейства Парра невыносимой. Рор, его жена Ханна и сын Хэвок были главными подозреваемыми в убийстве Отшельника.

Инспектор посмотрел на бывшего подозреваемого. Человека, знакомого с лесом, человека, прокладывавшего конную тропу прямо к домику Отшельника. Он был чехом. И убитый был чехом. Его сын Хэвок работал на Оливье, а значит, мог последовать за ним в лес как-нибудь вечером и обнаружить домик, обнаружить сокровища.

Отшельник собрал эти сокровища, обокрав своих соотечественников во время крушения Восточного блока. Во время крушения коммунизма, когда люди отчаянно стремились бежать на Запад.

Не тому человеку доверили они свои семейные ценности, которые хранились и ценились на протяжении поколений при коммунистическом правлении. Этот человек тогда еще не был Отшельником, он тогда был человеком, имевшим план. План обворовать их. Но украл больше, чем старинные вещи и произведения искусства. Он украл надежду, украл веру.

Может быть, он обокрал также Рора и Ханну Парра? И они нашли его?

Может быть, они убили его?

Кароль Жильбер вышла, и в сарае остались двое мужчин.

– Зачем вы едете в домик?

Этот человек-танк и в самом деле шел напролом.

– Просто любопытно. У вас какие-то возражения?

Они изучали друг друга.

– Вы приехали, чтобы затеять тут бучу?

– Я приехал сюда, чтобы отдохнуть. Проехаться по лесу – только и всего. Если вы не поторопитесь, то будет поздно.

Надев на шерстяную шапочку шлем и садясь в седло, Бовуар спрашивал себя: не в этом ли и состояла цель Парры? Он нажал рукоятку газа. Может быть, Парра намеренно не спешил, надеясь, что инспектор застрянет в лесу после наступления темноты?

Нет, решил Бовуар. Для Парры это слишком тонко. Этот человек бил своих врагов по голове. Именно так и умер Отшельник.

Махнув рукой, Бовуар понесся прочь, чувствуя, как вибрирует под ним мощный мотор. За прошедшее десятилетие он много раз садился на мотосани. Но это было до того, как он оказался в отделе по расследованию убийств. Ему нравилось кататься. Шум, мощь, свобода. Мороз щиплет, снег летит в лицо. Его телу, защищенному от холода костюмом, было уютно и тепло, может быть, слишком тепло. Он даже вспотел.

Бовуар положил машину в вираж, чувствуя, как она слушается его. Но что-то было иначе. Что-то было не так.

Не с машиной – с ним. Знакомая боль в брюшине.

С чего бы? Он ведь просто сидит на снегоходе, не занимается никакой работой.

Он двигался по узкой тропе в лес. Без листвы лес казался холодным и голым. Тени были резкими и длинными, как и боль у него в животе, сбоку, отдававшаяся в паху.

Бовуар глубоко вздохнул, но боль только усилилась.

Наконец он вынужден был остановиться.

Переключился на нейтральную передачу и рухнул вперед, держась за ручки снегохода. Голова его упала на руки. Он пытался сосредоточиться на вибрации двигателя, на этом успокаивающем, глубоком, предсказуемом, цивилизованном звуке. Но его мир сузился до единственного ощущения.

Боль.

Мучительная, знакомая боль. Он уже думал, что избавился от нее навсегда, но она снова нашла его в зимнем лесу, на который опускались сумерки.

Закрыв глаза, Бовуар сосредоточился на дыхании. Долгое расслабленное дыхание. Вдох. Выдох.

Насколько серьезна эта ошибка? Еще час, может, чуть больше, и в лесу наступит темнота. Кто-нибудь поднимет тревогу? Кто-нибудь хватится его? Или Рор Парра просто уйдет домой? Или Кароль Жильбер просто запрет дверь и подбросит еще одно полено в камин?

Потом он почувствовал чью-то руку у себя на лице и дернул головой. Но рука удержала его. Не жестко, но уверенно. Бовуар разлепил веки и увидел перед собой чьи-то ярко-голубые глаза.

– Не шевелитесь, лежите спокойно.

Человек был стар. Лицо его избороздили морщины, но глаза смотрели проницательно. Его голая рука, начавшая с лица Бовуара, теперь проскользнула под шарф и воротник водолазки, нащупала пульс Бовуара.

– Ш-ш-ш, – сказал человек, и Бовуар подчинился.

Он знал, кто это. Винсент Жильбер. Доктор Жильбер.

Этот мерзавец.

Но Гамаш, Мирна, Старик Мюнден и другие говорили, что он еще и святой.

Бовуар не понимал их. Когда они расследовали убийство Отшельника, этот человек показался ему мерзавцем.

– Идемте со мной.

Жильбер вытащил ключи зажигания, обнял Бовуара своими длинными руками и помог ему слезть с машины. Вдвоем они медленно пошли по тропинке. Бовуар время от времени останавливался перевести дыхание. Один раз его вырвало. Жильбер снял с себя шарф, отер Бовуару лицо, подождал. Подождал на снегу и холоде, пока Бовуар не обрел способность идти дальше. Они неторопливо, молча двинулись глубже в лес, и Бовуар тяжело опирался на высокого пожилого мерзавца.

Закрыв глаза, инспектор сосредоточился на том, чтобы переставлять непослушные ноги. Он чувствовал, как боль распространяется по всему телу, но еще ощущал поцелуи снежинок в лицо и пытался думать об этом. Затем ощущения изменились. Снег перестал касаться его лица, и он услышал собственные шаги по дереву.

Они были в лесном домике. Он чуть не заплакал от усталости и облегчения.

Когда они вошли в дом, он открыл глаза и увидел в тысяче миль от себя комнату с кроватью, а на ней – теплое пуховое одеяло и мягкие подушки.

Бовуару хотелось одного – пересечь комнату, которая показалась ему гораздо больше, чем он помнил, и рухнуть на кровать в дальнем углу.

– Почти добрались, – прошептал доктор Жильбер.

Бовуар устался на кровать, усилием воли заставляя ее приблизиться, пока они с Жильбером двигались к ней по дощатому полу. И вот наконец... дошли.

Доктор Жильбер посадил его на кровать, и Бовуар согнулся чуть ли не пополам, его голова стремилась к подушке, но доктор поддерживал его в сидячем положении, снимая с него одежду.

И только закончив с этим, он позволил Бовуару медленно опуститься. Голова инспектора коснулась подушки, он почувствовал, как на него натягивают мягкие простыни и наконец, наконец – пуховое одеяло.

Он провалился в сон, чуя сладковатый аромат кленовых поленьев в очаге, запах домашнего супа, ощущая, как тепло обволакивает его, в то время как за окном все падает снег и сгущается темнота.

Несколько часов спустя Бовуар проснулся и медленно вернулся в сознание. Бок у него болел, словно кто-то лягнул его, но тошнота прошла. В кровать была положена бутылка с горячей водой, и он понял, что прижимает ее к себе, складывается калачиком вокруг нее.

Сонный, ленивый, он лежал в кровати, и комната постепенно приобретала четкие очертания.

Винсент Жильбер сидел в большом кресле у огня. Он читал книгу, рядом с ним на столике стоял стакан с красным вином, его ноги в тапочках покоились на подушечке.

Комната показалась Бовуару одновременно знакомой и иной.

Стены по-прежнему были бревенчатые, окна и очаг не изменились. По полу были разбросаны коврики, но уже не те изящные восточные коврики ручной работы, что были у Отшельника. Это были лоскутные коврики, тоже домашнего изготовления, только этот дом находился гораздо ближе.

На стенах висело несколько картин, но не шедевры, собранные Отшельником и спрятанные здесь. Их место заняли скромные картины квебекских художников. Милые, но, вероятно, не столь впечатляющие.

Стакан доктора Жильбера был похож на все прочие стаканы, а не на хрустальные, найденные здесь после убийства.

Самые существенные изменения произошли там, где у Отшельника был канделябр из золота, серебра и тончайшего фарфора. На этом месте у доктора Жильбера висела лампа. Электрическая лампа. А на столике рядом с Жильбером Бовуар увидел телефон.

Сюда, в лес, было проведено электричество для освещения лесного домика.

Потом Бовуар вспомнил, зачем он совершил это путешествие.

Чтобы еще раз увидеть место, где было совершено убийство. Он посмотрел на дверь и увидел перед ней еще один коврик – ровно на том месте, где было кровавое пятно. Возможно, оно до сих пор там оставалось.

Смерть пришла в этот маленький лесной домик, но в чьем обличе? В обличе Оливье или кого-то другого. А что двигало убийцей? Как учил их старший инспектор Гамаш, убийство – это вовсе не пистолет, не нож и не удар по голове; убийство – это то, что управляет рукой убийцы.

Что отобрало жизнь у Отшельника? Корысть, как утверждала прокуратура и Гамаш? Или что-то еще? Страх? Ярость? Мечь? Ревность?

Сокровища, обнаруженные здесь, были весьма примечательной, но вовсе не самой поразительной стороной дела. Этот лесной домик предъявил еще кое-что, вызывающее гораздо более сильное беспокойство.

Слово, вплетенное в паутину. В углу домика, где темнота была самой густой.

«Воо».

Это же слово было вырезано – не очень четко – на окровавленной деревяшке. Она выпала из руки мертвеца и оказалась под кроватью, словно спряталась там. Коротенькое слово на дереве. «Воо».

Но что оно означало?

Вырезал ли это слово сам Отшельник?

Это казалось маловероятным, поскольку он был выдающимся резчиком, а деревяшка с «Воо» была примитивной поделкой.

Прокурор пришел к выводу, что Оливье вплет слово «Воо» в паутину и вырезал его на деревяшке как часть кампании по устрашению Отшельника, с целью удержать его в лесном домике. И Оливье в конечном счете признал, что именно это и было его целью: убедить старика, будто окружающий мир опасен для него. Будто он полон демонов и фурий. А также ужасных, ужасных существ.

«Хаос наступает, старичок», – прошептал Отшельник Оливье в последний вечер своей жизни. Оливье хорошо делал свое дело. Отшельник был сильно и по-настоящему испуган.

Но если Оливье признавал почти всё, то два пункта обвинения он категорически отрицал. Убийство Отшельника.

А также плетение и вырезание слова «Воо».

Суд ему не поверил. Оливье был признан виновным и приговорен к заключению. Это было дело, которое старший инспектор Гамаш, мучительно переживая и мучаясь, вел против своего друга. А инспектор Жан Ги Бовуар работал вместе с ним и верил в их правоту.

Но неожиданно шеф попросил его пересмотреть это дело и выстроить заново. И проверить, не могут ли те же доказательства свидетельствовать о вине не Оливье, а кого-то другого.

Вот, скажем, этого человека в лесном домике, на которого он сейчас смотрит.

Жильбер поднял голову и улыбнулся.

– Привет, – сказал он, закрыл книгу и медленно поднялся на ноги.

Бовуар вспомнил, что этому высокому подтянутому человеку с седыми волосами и пронизательным взглядом уже под восемьдесят.

Жильбер сел на край кровати и успокаивающе улыбнулся.

– Позвольте? – спросил он Бовуара, прежде чем прикоснуться к нему.

Бовуар кивнул.

– Я говорил с Кароль, сообщил ей, что вы останетесь на ночь, – сказал доктор Жильбер, приспуская с него одеяло. – Она обещала, что позвонит в гостиницу и предупредит Габри. Можете не беспокоиться.

– Merci.

Теплые уверенные руки Жильбера ощупывали живот Бовуара.

За последние два месяца Бовуар проходил обследование бесчисленное количество раз, в особенности в первые дни. У него словно появился новый будильник. Он просыпался через каждые несколько часов, одурманенный лекарствами, и кто-то холодными руками трогал его живот.

Но ни у кого не было таких рук, как у Жильбера. Бовуар поморщился несколько раз, хотя и заставлял себя не делать этого. Боль застала его врасплох. Как только у него появлялись ощущения дискомфорта, руки Жильбера замирали, он давал возможность Бовуару перевести дыхание, а потом продолжал.

– Вероятно, вам не стоило выезжать сегодня. – Жильбер улыбнулся, натягивая на Бовуара простыни и одеяло. – Но насколько я понимаю, вы это и без меня знаете. Частично это следствие попадания пули, но долгосрочный эффект – это воздействие ударной волны, возникшей в результате взрыва. Ваши доктора говорили об этом?

Бовуар покачал головой.

– Вероятно, они были слишком заняты. Пуля прошла у вас через бок. Вы, вероятно, потеряли немало крови.

Бовуар кивнул, старясь держать на расстоянии образы того дня.

– Внутренние органы она не затронула, – продолжал доктор Жильбер. – Но ударная волна повредила ткани. Именно это вы и чувствуете, когда сильно напрягаетесь, как сегодня днем. Но вы быстро выздоравливаете.

– Merci, – сказал Бовуар.

Информация была полезной.

И еще Бовуар понял, что этот человек – святой. Его обследовало множество врачей. Разнообразные целители. У всех были самые благие намерения, одни держались мягко, другие – грубовато. Все давали ему понять, что хотят, чтобы он жил, но никто не внушал ему, что жизнь драгоценна, что ее стоит беречь, что она чего-то стоит.

А Винсент Жильбер сделал это. Его целительские способности затрагивали не только плоть, не только кровь. Не только кости.

Жильбер похлопал по одеялу и хотел было встать, но передумал. Он взял с прикроватного столика маленький пузырек с таблетками.

– Я нашел это в вашем кармане.

Бовуар протянул руку, но Жильбер сжал пузырек в кулаке и взгляделся в лицо Бовуара. Последовало долгое молчание. Наконец Жильбер смиловился и раскрыл кулак:

– Будьте с ними поосторожнее.

Бовуар взял пузырек и вытряс из него таблетку.

– Лучше половинку, – сказал Жильбер и забрал у него таблетку.

Бовуар наблюдал, как доктор Жильбер умело расколол маленькую пилюлю на две части.

– Я вожу их с собой на всякий случай, – сказал Бовуар, проглотив крохотные полтаблетки. Жильбер протянул ему чистую пижаму.

– На тот случай, если сделаете какую-нибудь глупость? – спросил он с улыбкой. – Тогда вам может не хватить одного пузырька.

– Ха-ха, – проговорил Бовуар.

Но он уже чувствовал, как тепло распространяется по всему его телу и боль уходит, и если в словах Жильбера была язвительность, то она просто растаяла.

Одевшись, Бовуар увидел, что доктор на кухне разливает суп в две миски и нарезает свежее испеченный хлеб.

– Сегодня играют «Канадиенс», верно? – сказал Жильбер, вернувшись с едой и удобно усадив Бовуара на кровати. – Хотите посмотреть?

– С удовольствием.

Через минуту они уже ели суп, хлеб и смотрели, как бьются в Нью-Йорке «Канадиенс».

– Пересолено, – сказал Жильбер. – Я просил Кароль не класть много соли в еду.

– По мне, так великолепно.

– Значит, у вас испорчен вкус. Вы выросли на картофеле фри и бургерах.

Бовуар посмотрел на Жильбера, предполагая увидеть улыбку. Но красивое лицо было недовольным, рассерженным. Высокомерным, вздорным, мелочным.

Мерзавец вернулся. А вернее, присутствовал все это время, пока Бовуар беззаботно общался со святым.

Глава седьмая

Арман Гамаш тихо поднялся среди ночи, включил прикроватную лампу и оделся потеплее. Анри смотрел на все это, помахивая хвостом и сжимая в зубах теннисный мячик. Они тихонько спустились по узкой винтовой лестнице, словно врезанной в середину старого дома. Эмиль поместил Гамаша на верхнем этаже, в бывшей хозяйской спальне. Это была великолепная комната с высокими потолками, потолочными балками и слуховыми окнами на каждой из сторон крыши. Эмиль признался, что ему стало тяжело подниматься по крутой узкой лестнице, ступеньки которой за много веков истерлись. И не будет ли Арман возражать, если он разместит его там?

Гамаш не возражал. Возражал он против того, что ему уже было известно некоторое время: его наставник понемногу сдает.

И вот теперь он спустился вместе с Анри на два этажа, в гостиную, где в печке, излучавшей тепло, еще горел огонь. Там он включил одну лампочку, надел самую теплую свою куртку, шапку, шарф, варежки и вышел, не забыв взять самое важное – игрушку «Принеси мячик» для Анри. Анри обожал «Принеси мячик». Да и Гамаш тоже.

Они прошли по пустынным улицам Старого города, вверх по Сен-Станисла, к Литературно-историческому обществу, где сделали остановку. Двадцать четыре часа назад здесь в подвале лежало тело Огюстена Рено. Убитого. Если бы телефонный провод не был перерезан при попытке вырыть неглубокую могилу, то подвал зацементировали бы и тело Огюстена Рено присоединилось бы к бессчетному числу других тел, спрятанных в земле в Квебек-Сити и окрестностях. Не так уж много лет прошло с тех пор, как археологи нашли скелеты в каменных стенах Старого города. Тела американских солдат, взятых в плен во время рейда в 1803 году. Власти быстро заявили, что эти люди были мертвы, когда их замуровали, но Гамаш испытывал сомнения на сей счет. Зачем замуровывать тела в стену, если только не в виде жестокого наказания? Или чтобы скрыть следы преступления? Поскольку Квебек строился на костях и иронии, вторгшиеся солдаты стали частью городских оборонительных сооружений.

Огюстен Рено чуть было не повторил судьбу этих солдат, чуть было не стал навеки частичкой города, закатанный в бетон под Литературно-историческим обществом, чтобы подпирать почтенный англоязычный институт. Да и жизнь Рено была золотой жилой иронии. Как, например, в тот раз, когда он перед телевизионной камерой в прямом эфире вел раскопки в поисках останков Шамплейна, а прокопался в подвал китайского ресторана. Или тот случай, когда Рено открывал запечатанный гроб, будучи убежден, что в нем покоятся останки Шамплейна, – тогда избыточное давление внутри гроба выбросило его содержимое в атмосферу со всем миссионерским пылом. Находившийся внутри иезуит превратился в прах и был в таком виде доставлен на небеса, к бессмертию. Хотя не о таком бессмертии он молился, не на такое надеялся. Священник вернулся на землю дождевыми каплями, влился в пищевую цепочку и в конечном счете оказался в грудном молоке коренных американок, которых он в свое время пытался извести под корень.

Сам Рено едва избежал такой судьбы: еще несколько часов – и он бы упокоился в фундаменте Литературно-исторического общества.

Арман Гамаш надеялся, что после проведения допросов его обязательства перед Элизабет Макуиртер и другими членами Лит-Иста можно считать выполненными. Но теперь он понял: это не так. Рено требовал встречи с советом, совет отказал ему в этом, потом они вычеркнули данное происшествие из протокола заседания. Когда об этом узнают, им придется заплатить дорожную цену. И платить придется всем англоязычным канадцам.

Нет, думал Гамаш, выходя вместе с Анри за ворота, он не может их бросить. Пока еще не может.

Снег почти прекратился, и температура падала. Вокруг – ни движения, ни звука, только скрип ботинок Гамаша по снегу.

Часы показывали три двадцать.

Каждый день Гамаш просыпался приблизительно в это время. Поначалу он пытался уснуть, оставался в кровати, боролся с бессонницей. Но по прошествии многих недель понял, что пора прекратить эту тщетную борьбу. Теперь он вставал и вместе с Анри тихо выходил на прогулку – сначала дома в Монреале, а потом и здесь, в Квебек-Сити.

Гамаш знал: чтобы прожить следующий день, ему необходимо это спокойное время по ночам, когда он может побыть наедине со своими мыслями.

– Играть на скрипке меня научил отец, – сказал агент Морен в ответ на вопрос Гамаша. – Мне было года четыре. У нас где-то хранится домашнее видео: отец и дед играют у меня за спиной на скрипках, а я стою перед ними в таких больших обвислых шортах, похожих на подгузники. – Морен рассмеялся. – В руках у меня маленькая скрипочка. За роялем сидит моя бабушка, а сестренка делает вид, что дирижирует нами. Ей тогда было года три. Она теперь уже замужем и ждет ребенка.

Гамаш свернул налево и пересек темную карнавальную площадь у Полей Авраама. Двое охранников наблюдали за ним, но так к нему и не подошли. Слишком холодно для разговоров. Гамаш и Анри попетляли между аттракционами, которые через несколько часов заполнятся детишками и их родителями. Дальше стояли киоски, всякие временные сооружения и притихшие ночью горки, и Гамаш прошел через скверик к печально известному полю и монументу, изображающему английского генерала Вольфа в момент его гибели 13 сентября 1759 года.

Гамаш взял горсть снега и слепил снежок. Анри тут же выпустил из зубов теннисный мячик и принялся плясать вокруг хозяина. Старший инспектор поднял руку, улыбаясь псу, а тот внезапно присел, мускулы его в ожидании напряглись.

Гамаш подбросил снежок, и Анри поймал его в воздухе. На несколько мгновений охотничий азарт обуял его, но стоило собачьим челюстям сомкнуться, как снежок рассыпался, и Анри приземлился, как всегда разочарованный.

Гамаш взял теннисный мячик в оболочке схваченной морозом слюны, вложил его в клюшку «Принеси мячик» и запустил. Сверкающий желтый мячик полетел в темноту, а овчарка помчалась за ним.

Старший инспектор знал каждый дюйм поля сражения в любое время года. Он знал, как меняется его облик в зависимости от сезона. Он стоял там весной и видел поле, усыпанное нарциссами, стоял летом и видел людей, приехавших на пикник, зимой видел людей на лыжах и в высоких сапогах. Бывал он там и ранней осенью. 13 сентября. В день битвы, когда в течение часа было убито или ранено более тысячи человек. Он стоял там, и ему казалось, что он слышит крики, звуки выстрелов, ощущает запах пороха, видит людей, идущих в атаку. Он стоял на том месте, где, по его мнению, находился генерал Монкальм в тот момент, когда в полной мере осознал свою роковую ошибку.

Монкальм недооценил англичан. Их мужество и их хитрость.

В какой момент он понял, что сражение проиграно?

Накануне вечером в лагерь Монкальма вверх по течению от Квебека прибежал курьер. Он едва держался на ногах и, еле ворочая языком, сообщил, что англичане поднимаются по стопятидесятифутовым утесам над рекой и занимают поля перед самым городом, принадлежащие фермеру Аврааму.

В лагере Монкальма ему не поверили. Сочли, что этот человек спятил. Ни один полководец не отдал бы такого приказа, ни одна армия не подчинилась бы ему. Для этого у них должны быть крылья, со смехом сказал своим генералам Монкальм и отправился спать.

К рассвету англичане были на Полях Авраама и готовились к бою.

Может быть, тогда Монкальм и понял, что проиграл? Когда англичане, обзаведясь крыльями, совершили невозможное? Генерал бросился туда и остановился на том самом месте, где теперь стоял Гамаш. Оттуда он посмотрел на поле и увидел армию врага.

Понял ли тогда Монкальм?

Однако сражение еще можно было выиграть. Он мог одержать победу. Но Монкальм, блестящий стратег, совершил еще несколько роковых ошибок.

И Гамаш думал о том моменте, когда генерал понял, что совершил последнюю роковую ошибку. Осознал всю непоправимость ситуации. Хотя ему потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать это, когда на его глазах все рушилось, рассыпалось на части. С невероятной быстротой и в то же время – как это кажется теперь – так медленно.

– Убийство, – сказала его секретарь, ответив на звонок.

Бовуар был тогда в кабинете Гамаша, они обсуждали происшествие в Гаспе. Секретарь просунула голову в дверь:

– Это инспектор Норман из Сент-Агата.

Гамаш поднял голову. Она редко прерывала его. Они работали вместе много лет, и она знала, когда можно принять решение самой, а когда нельзя.

– Соедините, – сказал Гамаш. – Oui, инспектор. Чем могу быть полезен?

И сражение началось.

«Je me souviens», – подумал Гамаш. Девиз Квебека. Девиз квебекцев. «Я помню».

– Как-то раз я был на карнавале, – сказал агент Морен. – Вот здорово было. Нас повез туда отец, и мы даже играли на скрипке на катке. Мама пыталась его остановить. Она смутилась. Сестренка чуть не умерла со страха, но мы с отцом достали скрипки и принялись играть, и всем вроде бы нравилось.

– Играли то же, что ты играл нам? «Колм Куигли»?³⁶

– Нет, «Колм Куигли» – это плач. Он потом ускоряется, но начало слишком медленное для катающихся. Им нужно что-нибудь погорячее. Поэтому мы играли джигу и всякие быстрые танцы.

– Сколько лет тебе было? – спросил Гамаш.

– Тринадцать. Может, четырнадцать. Лет десять назад. Большие я там ни разу не был.

– Может быть, в этом году.

– Oui. Я возьму Сюзанну. Ей понравится. Может, и скрипку с собой прихватчу.

«Je me souviens», – подумал Гамаш. В этом-то и была проблема. Всегда проблема. «Я помню. Все помню».

Бовуар лежал без сна в лесном домике. Обычно он спал хорошо. Даже после того, что случилось. Но теперь он лежал, глядя то на темные балки, то на огонь, мерцающий в печи. Он видел Жильбера, уснувшего в двух придвинутых друг к другу креслах. Святой мерзавец уступил Бовуару свою кровать. Бовуар чувствовал себя ужасно: из-за него пожилой человек, который был так добр к нему, спал на двух креслах. Ему пришла в голову мысль: наверное, в этом и есть суть. Что толку быть святым, если ты при этом не можешь быть мучеником?

Защитная система Бовуара дала сбой – может быть, в этом был виноват тихий лесной домик, может быть, его состояние измождения после приступа или недостаточная доза лекарства – половина таблетки.

А по стене ползли воспоминания.

– Убийство, – сказала секретарь шефа.

Гамаш ответил на звонок.

³⁶ Композиция известного канадского ансамбля «Leahy».

Часы показывали 11.18. Бовуар оглядел кабинет, позволив своим мыслям уйти в свободный полет, пока шеф разговаривает с отделением в Сент-Агате.

– На линии агент Морен, – сказала секретарша, минуту спустя снова появившись в дверях.

Шеф прикрыл рукой микрофон и ответил:

– Пусть перезвонит через несколько минут.

Гамаш говорил жестким тоном, и Бовуар тут же посмотрел на него. Шеф делал записи в своем блокноте, слушая инспектора Нормана.

– Когда это случилось? – Короткие, рубленые фразы свидетельствовали о том, что произошло что-то серьезное.

– Он сказал, что не может перезвонить. – Секретарь шефа чувствовала себя неловко, но проявляла настойчивость.

Гамаш кивнул Бовуару – мол, ответь на звонок, но секретарша Гамаша не отступала.

– Он сказал, что должен поговорить с вами, сэр, – произнесла она. – И немедленно.

Старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар уставились на нее, удивляясь тому, что она противоречит начальству. Наконец Гамаш принял решение.

– Désolé, – сказал он инспектору Норману. – Я должен передать трубку инспектору Бовуару. Постойте, у меня вопрос: ваш агент был один?

Бовуар увидел, как изменилось лицо Гамаша. Шеф показал Бовуару на другой телефон в его кабинете. Бовуар снял трубку, видя, как Гамаш переключился на другую линию, где ждал ответа агент Морен. А Бовуар и сейчас помнил свой вопрос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.